

ЖИТИЕ ДЕВЫ ЛИДВИНЫ

Фома Кемпийский

Пер. с лат. *Vita Lidewigis Virginis // Thomae (Hemerken) a Kempis Opera omnia*, ed. M. J. Pohl, V. 6. Freiburg im Breisgau, 1905 – pp. 315-454; частично с учётом англ. пер. в *St. Lydwine of Schiedam Virgin by Thomas A Kempis, Canon Regular of the Congregation of Windesheim, Translation and Introduction by dom Vinceny Scully, C.R.L., Burns & Gates, London, 1912*

В переводе Константина Чарухина

ЧАСТЬ I. НАЧИНАЕТСЯ ПРОЛОГ К ЖИТИЮ ДЕВЫ ЛИДВИНЫ

Брат «N», нищий пилигрим, к иноческой братии уставных каноников монастыря св. Елизаветы близ Бриля, что в пределах Зеландских, – со смиренной просьбой поддержать его молитвами вашими.

Возлюбленнейшие во Христе братия! Поскольку связаны мы обетами одного ордена и устава, правильно было бы нам согласно с речением апостола Иакова молиться друг за друга (*ср. Иак. 5:16*) и веру нашу делами благими украшать, да узы любви блюсти любовью истинной. Подобаает же братству вашему знать, что я по просьбе братьев ваших внимательно прочитал книжку о житии святой и многотерпеливой девы Лидвины и, по давнишнему вашему желанию составив одноименную – покороче да стилем попроще, – ныне с любовью шлю вам для чтения. Не досадуйте из-за того, что я медлил, но и не вменяйте дерзости сделанное мною; ибо совет досточтимого приора вашего побудил меня к работе и вдохновил. А что поначалу казалось мне трудным, то с Божией помощью по молитвам вашим достигло, наконец, завершения.

Весь же материал книжки я разбил на две части и каждой части предпослал своё оглавление. Притом многое я по совету некоторых иноков не стал вставлять [в книгу]: то, что, по-видимому, могло бы вызвать у простецов сомнения или смущающие вопросы. Потому я предпочёл выбрать из многого и записать скорее то, что наставляет нравы и ясно показывает читателям [образец] для смиренного подражания. Однако почти всё здесь всяческого изумления достойно и выходит за пределы моего опыта – сие я предаю суждению старших. Впрочем, надеюсь, что мольбы смиренных окажутся угоднее и милее Богу и одной святой деве, чем попытки вникнуть в высочайшее и безрассудно болтать о тайнах Божиих.

Да не беспокоится никто оттого, что порой её имя пишется Лидия, а порой Лидвина, ведь порой то же самое обнаруживается и в других историях о святых: так, соответственно, произносят «Агна» вместо «Агнеты» и «Вальбурга» вместо «Вальбургии». О Лидии мы читаем в Деяниях (*Деян. 15:14-15*), что Павел обратил её к вере и обрёл пристанище в её доме; ну а наша «Лидия» охотно принимала многих иноков на собеседование о божественных предметах и, наученная святым ангелом, пречасто сообщала тем, кто скорбел сердцем, благодать высшего утешения.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПРОЛОГ

ГЛАВА I. О РОДИНЕ И РОЖДЕНИИ ДЕВЫ ЛИДВИНЫ, О ДОБРОЧЕСТНЫХ РОДИТЕЛЯХ ЕЁ

В западной части Голландии располагается город, называемый от протекающего поблизости ручейка (*р. Схи – прим. пер.*) Схидамом. И прославил его Бог, могучий и дивный во святых Своих, чудесным и неслыханным терпением некоей святой девы. Она заслуженно прозывалась по имени и по существу Лидвиной за многие страдания (*lijden, – нид. «страдать». – прим. англ. пер.*), ибо, измученная различными недугами, она стала всячески угодна Христу, небесному Жениху своему. Приверженцы мира считали её при жизни убогой и презренной, но Создатель небес счёл её, подобно жемчужине из глубин морских, драгоценной, и стала она в Царстве Небесном вместе со святыми девами превознесенной.

Происходила она от благородного рыцарского рода, но куда славнее стала и просияла, когда благодать Святого Духа нашла на неё. Отца её звали Питером, и хотя по мирскому званию был он славного рода, однако попущением Божиим дошёл до такой нищеты, что во время герцога Вильгельма, сына герцога Альберта, служил в графстве Голландском городским ночным сторожем, зарабатывая на еду и житейские нужды, чтобы надлежащим образом содержать себя и своё семейство. Оный Питер, заработав по общему мирскому обыкновению за несколько лет себе на жизнь, много трудясь в простоте, взял в жёны женщину по имени Петронилла, весьма порядочную и добродетельную, соответствующую ему по имени и благородству. Она по милости Божией процвела многочадием и, боясь Бога, домом своим старалась править благопристойно. Родила она восьмерых сыновей и одну дочь по имени Лидвина, которую иные латинисты величают Лидией, о каковой пойдёт речь в настоящем повествовании, излагающем чудеса, кои Бог совершил чрез неё перед многими свидетелями. Притом, хотя мать стольких чад при рождении каждого претерпевала великие трудности, рожая же сию дочь не испытала почти никакой тягости. Ибо, придя в церковь на Вербное воскресенье, она почувствовала, что подходит время рожать, и, поспешно вернувшись домой, без особенных болей во время чтения Страстей Господних произвела на свет сию дочь предызбранную в год от Господня воплощения тысяча триста восьмидесятый (*Фома, как предполагают, родился тоже ок. 1380 г. – по прим. англ. пер.*), в пятнадцатый день до апрельских календ (*18 марта*), наутро после памятования девы Гертруды (*Нивельской, 626-659 гг.*), во времена папы Урбана VI, в год понтификата его третий, когда епархию нижнего Утрехта возглавлял достопочтенный предстоятель Флорентий, любезный как духовенству, так и всей пастве.

Итак, сия девочка, родившись пятой в череде детей, была возрождена крещением во Христе и получила от родителей имя Лидвина, или Лидия. Истинная краса среди дочерей человеческих и зеркало целомудрия, она всё же по извечному Божию усмотрению вскоре предалась созерцанию страстей Господних и сообразовалась Распятому множеству ран от телесных болезней.

ГЛАВА II. О ТОМ, КАК ПОЧИТАЛА ОНА ИЗВАЯНИЕ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ

Когда ж сей девице исполнилось семь или восемь лет, она по вдохновению Божию начала глубоко почитать изваяние Пресвятой Девы Марии, что стояло в схидамской церкви. Оно, как сказывают жители этого города, досталось им довольно чудесным образом: было куплено за ничтожную цену у некоего мастера, что изваял его. Ведь он хотел было отправиться в Антверпен на рынок и продать там изваяние подороже, но едва он, взяв статую, взошёл на корабль, изваяние настолько отяжелело, что двадцать или более мужчин не могли сдвинуть посудину от берега. Изумлённые моряки, увидев сие, решили, что затруднение с отправкой корабля случилось из-за присутствия на нём изваяния, которое желает место обитания своего получить именно здесь. Итак, недолго поразмыслив, ваятель продал статую горожанам, которые из благоговения выделили для неё особый алтарь в церкви. Позднее же многие жители обоих полов, объединившись, учредили некий братский союз в честь Преблаженной и Всеславной Приснодевы Марии. А было это изваяние деревянным и настолько лёгким, что его мог запросто носить один человек.

Сию-то статую девочка, отнеся обед двоим своим братьям, посещавшим школу, и навещала с охотой, заходя в церковь по дороге домой, а при возможности старалась благоговейно почитать её ангельским приветствием. И хотя сие благое и похвальное начинание само по себе было замечательно для её детского возраста, оно было

предзнаменованием ещё большей благодати, что пребыла потом на ней от юных лет и до скончания жизни. Когда же мать разбранила её за запоздалое возвращение, сия голубка беззлобно ответила, что заходила в церковь поприветствовать Пресвятую Деву, а та ей в свою очередь улыбалась. Мать же её довольствовалась услышанным и, умиротворённая её благостью, смолкла. Ведь она была любимой и единственной её дочерью, и раз оказалось, что она подобающе служит Богу и воздаёт хвалу Пресвятой Деве, то не стоит препятствовать ей в её благочестии.

ГЛАВА III. О ТВЁРДОМ НАМЕРЕНИИ ЕЁ ЖИТЬ В ДЕВСТВЕ

Когда ж миновали детские годы и вступила она в пору отрочества, такое обнаружилось в ней тела изящество и духа умельчество, да и прочие дарования, коими Бог её наделил, что едва ей исполнилось двенадцать, многие стали к ней свататься. Хотя отец склонял её к браку, мать отнюдь не давала на то согласия по причине неразумия и малолетства дочери, но всячески отговаривала мужа и просила не беспокоить её. Лидвина же сама тогда неизменно отвечала отцу, что он её к сему никоим образом не сможет принудить; более того, коли она никак иначе не сможет избежать замужества, то так с собою поступит, что никто её не будет в жёны просить. Сего ради она ежедневно молила Господа забрать из сердца её всякую пагубную да плотскую привязанность, чтобы лишь Его одного, Господа и Бога своего, могла любить она в чистоте сердечной и телесной. Сим молитвам её и пожеланиям любящий и милосердный Бог, от вечности избравший её в невесты Себе, незамедлительно внял и дивным деянием Промысла проявил благоволение Своё во многочисленных скорбях телесных согласно речению Святого Слова Своего: «Всякую ветвь, приносящую плод, очищает Отец Мой, чтобы более принесла плода» (ср. *Ин.* 15:2). Ибо хотя она была землею доброй (ср. *Мф.* 13:8), производившей цветы целомудрия, но, чтобы суеты мирские и плотские утехи не нарушили печати девства, Христос оградил её терниями и скорбями тягчайшими, дабы она стала непригодна для супружеского ложа.

ГЛАВА IV. О НАЧАЛЕ НЕДУГА ЕЁ И ВНЕЗАПНОМ НАСТУПЛЕНИИ ЗАТЯЖНОЙ БОЛЕЗНИ

Итак, когда пошёл ей пятнадцатый год, тогда, дабы не отправилась она скитаться возле стад товарищей (ср. *Песн.* 1:6) мирских, во спасение её души врач душ Христос милостиво посетил её и обуздал телесным неким недугом, от которого она позднее частично оправилась. Случилось же в конце пятнадцатого года её жизни под Сретенье так, что пригласили её товарки покататься с ними на коньках, и одна из сотоварок, разогнавшись на льду и не сумев затормозить, обхватила Лидию рукой, отчего она тут же внезапно упала на ледяной выступ и, сильно ударившись, сломала одно рёбрышко в правом боку. От этого перелома пошли у неё многие возрастающие тяготы. Ибо прежде всего в области сломанного ребра у неё вырос жёсткий нарыв, и хотя родители сильно поиздержались на его лечение, всё ж так и не добились чаемого исцеления. Поскольку же никто её не мог вылечить, её часто переносили с места на место да из кровати в кровать в зависимости от осложнений недуга; и, наконец, когда было ей шестнадцать лет, в канун святого Иоанна Крестителя, в то время, как отец подошёл утешить её, она подскочила с того места, где лежала, и рухнула, скорчившись, ему на колени. При сем прыжке нарыв лопнул, и изо рта у неё обильно истёк гной со рвотой, отчего она настолько обессилела, что казалась как бы мёртвой. С тех пор она и начала страдать от постоянных недугов, при которых она, прежде чем вкусила утешений духовных, принимала по настоятельной необходимости [средства] человеческие и телесные, хотя помогали они мало и не

устраняли мучений. И вот, в первые три недужные года, чтобы причаститься в пасхальное время, её в церковь водили или носили, а поскольку она не могла ни стоять на ногах, ни ступить, то передвигалась она дома с помощью костыля, а снаружи – на тележке. Также она часто обильно пила из канавы холодную воду, хоть и взбаламученную; либо же, подойдя к очагу, поглощала её – горячую или тёплую – из горшков, однако же сразу извергала её из ослабевшего желудка. Из-за отсутствия человеческого совета и по причине всё более нерассудительного руководства тело её чахло, но тайным действием благодати душа сохранялась в скудельном сосуде для великих заслуг в будущем, дабы исполнилось на ней то, что написано о блаженном Иове: «Вот, сатана, он в руке твоей, только душу его сбереги» (ср. *Иов. 2:6*).

ГЛАВА V. О ВЫВОДЕ НЕКОЕГО ЛЕКАРЯ И О СВЕРШИВШЕМАСЯ С НЕЮ ЧУДЕ

Некий лекарь из Делфта, коего звали магистр Андреас (*В позднейшей, исправленной редакции «Жития» Иоанн Бругман, которому следует здесь автор, говорится, что нижеследующее высказывание принадлежит Годфриду Гаагскому. – прим. англ. пер.*), посетив её, сказал её родителям, как бы пророчествуя, что ей никак не вылечить, даже если издержать на то кучу английских ноблей (*английская золотая монета, имевшая широчайшее хождение в Европе вплоть до Речи Посполитой и Москвы. – прим. пер.*). Также оный усердный магистр, утешая родителей и близких, добавил, что Бог сотворит с нею столько всего сверхъестественного, что он не прочь сам был бы отвесить золота величиною с голову сей девицы, лишь бы она была его дочерью, ибо от такового чада надеялся бы обрести превеликую радость.

И случилось в течение упомянутого трёхлетия, когда больная девица лежала в постели, весьма дивное событие, кое Бог изволил явить к прославлению имени Своего и к познанию достоинств девицы. Двое мужчин в городе, возбудившись духом, затеяли ссору, и один погнался за другим, выхватив меч, чтобы, ударив, ранить его или убить. Тот же, перепугавшись, забежал в дом и в клетушку сей девицы, дабы, спрятавшись там, избежать рук своего преследователя. Немедля за ним последовал другой и спросил у матери её Петрониллы, не заходил ли первый к ней в дом. Коему она, желая спасти ложью своей беглеца, а преследователя удержать от кровопролития, ответила, что не заходил. Но он, не поверив словам матери, зашёл в уголок болящей девицы. А когда задал ей вопрос, не входил ли тот к ней в клетушку, святая девица, возложив надежду на Бога, уверенно ответила: «Да». Мать же, возмущившись сему ответу, дала дочери оплеуху, [крикнув], что, мол, не хватало ей несчастий, так, проболтавшись, она ещё и согрешила предательством. Тогда дочь спокойно ответила матери: «Я сказала истину, понадеявшись, что Истина сокроет прибегающего к ней». Что и получилось по Божию промыслению. Ибо тот, кого искали убить, стоял перед глазами преследователя, а тот его совершенно не видел. В итоге ушёл он, отказавшись от преследования беглеца, не понимая, что произошло там знамение Божие. Увидев сие, мать её заявила, что вера дочери куда как превосходит её собственную веру, а точнее сказать, маловерие; и с тех пор питала к ней ещё большую любовь, а немощи её стала переносить благожелательнее.

ГЛАВА VI. О СКУДОСТИ ПИТАНИЯ ЕЁ МНОГИЕ ГОДЫ

После сего недуги её настолько усилились и умножились, что, лишившись всех сил телесных, она оказалась совершенно прикована к постели и на протяжении тридцати трёх лет – до самой смерти своей – не коснулась земли. Питалась же она после

первых трёх лет и до девятнадцатого года своей болезни мало и скудно: невероятно, как сей пищи хватало на поддержание жизни в столь болезненном существе. Порой вкушала она кусочек разогретого на огне яблока, иногда – ломтик хлеба с глоточком пенного пива, кое-когда – малость свежего молока. Позднее, однако, она и этого не могла употреблять по причине телесной немощи; несколько лет она в течение недели употребляла полпинты чистого вина без каких-либо примесей, но потом ей несколько лет приходилось смешивать его с водой. Порой также вкушала она немножко из таких лакомств, как сахар, или корица, или мускат, или финик. Но когда она ничего такого больше не могла ни прожевать, ни проглотить, стала вкушать только воду, а именно полпинты воды из Мааса в неделю, которая по чрезвычайной милости Божией обретала для неё такую сладость, что была вкуснее всякого вина, – за что много она Господа благодарила. В то же время она получила от Бога такой дар, что могла по одному лишь вкусу маасской воды различать, почерпнута она в прилив или отлив, когда отпивала из поданной ей чашки (*хотя Схидам находится довольно далеко от моря и вода в Маасе обычно пресная, однако во время полнолуния содержание соли несколько увеличивается, что и могла замечать несчастная страдальца, не употреблявшая больше ничего. – прим. англ. пер.*). Кроме того, что ещё более удивительно, долгие годы она не употребляла никакой еды и никакого питья телесного и не спала, а принимала лишь Тело Христово – единственное средство от скорбей своих и сладчайшее утешение, что было для неё вкуснее всех яств (*Её полное воздержание от пищи было подвергнуто строжайшей проверке городскими властями; впрочем, как замечает Гюисманс, не бывает проверки более придирчивой, чем та, которую в подобных случаях, учиняет любопытство или зависть соседей. – прим. англ. пер.*).

ГЛАВА VII. О РАЗЛИЧНЫХ ТЯГОТАХ И СКОРБЯХ, ЧТО ТЕРЗАЛИ ЕЁ ДЕННО И НОЩНО

На сей деве исполнилось то, что написано о блаженном Иове: «Ночью скорби пронизывают кость мою, и снедающие меня не спят; по множеству их истощается одежда моя» (*Вульг. Иов. 30: 17-18*). Итак, поскольку искусство лекарей и заботливое кормление не шло впрок, тяготы её ежедневно становились всё горше. И лежала дева на жёстком одре, жалким образом поражённая болезнью и изъеденная червями, что, заведясь в девичьем теле по причине нагноения, снедали плоть её, и однако не исходило от неё никакого смрада. Оные черви были серого цвета и наполнены серой жидкостью, головки у них были чёрные; толщиной они были с кончик веретена, а длиной – в размер малой фаланги человеческого пальца.

Было также в теле сей ученицы Святой Троицы три больших отверстия, из одного из которых, что было в области живота, порою в большом количестве исходили вышеописанные черви. И накладывали на эту рану пластырь из смеси свежей пшеничной муки и мёда, чтобы заведшиеся там черви могли сосать этот состав и другие снадобья, а то иначе они замучили бы её до смерти. Когда же этот пластырь снимали для замены, на нём оставались маленькие серые черви с чёрными головками, причём они не испускали никакого смрада, но видевшие их обоняли сладостный аромат. Ещё у сей девы за долгое время от глубокой язвы так прогнил низ тела, что образовавшееся отверстие приходилось затыкать мягкой накладкой, дабы святые её внутренности совсем не вывалились.

Случилось же в то время так, что знаменитый лекарь герцога Голландского магистр Годфрид Гаагский вместе с герцогиней Маргаритой приехал повидать сию деву, чтобы, исследовав её случай, при возможности прописать болящей целебное

средство. Осмотрев же, насколько было возможно и прилично, некоторые утробные внутренности её, извлечённые из тела и положенные в таз, он обнаружил, что вышеописанные черви распространяются из её гниющего спинного мозга, а о нагноении по естеству рассудил, что причина его в том, что Лидвина не ест ничего солёного. Закончив с этим, он увидел, что ничем не может быть ей полезен, и приказал поместить внутренности обратно ей в утробу. Также оный медик сказал, что вскоре ей предстоит водянка. И постигла её водянка примерно за девятнадцать лет до смерти: во время какой она ни пищи не принимала, ни питья и не спала. А как она вовсе не вкушала еды, то и не извергала никаких естественных выделений. Около года Господня 1412-го, сия священная былинка Божия, окученная тяпкою продолжительных скорбей при обострении недугов своих изблевала частично лёгкое и печень со многими внутренностями, однако без какого-либо смрада, что подтверждается многими. Ибо кто руками своими касался их, в течение примерно дня обонял сладость, к ним приставшую.

С четырнадцати лет и до двадцати одного года она никоим образом сама не могла ни двинуться, ни повернуться; и лежала она навзничь оное семилетие, да потом до смерти, не в силах двинуть ни единым членом тела своего, за исключением головы да левой руки с плечом. Когда же её порой подвигали или поворачивали в постели, приходилось обвязывать её туловище под мышками платком или мягким бинтом, а иначе она подвергалась опасности развалиться на части.

Множество ещё и других недугов претерпевала дева Христова, жесточайшими отовсюду поражаемая ударами, каковые наносимы были ей не на погибель души, но к вящей заслуге – как блаженному Иову; дабы впоследствии тем восприимчивее и достойнее стала она к утешениям ангельским и небесным, чем в горшечном стеснении и заброшенности томилась она на земле. Итак, часто до самой смерти случались у неё непомерные головные боли; чрезвычайно часто до самой смерти – многократные боли зубные; ещё до самой смерти – разнообразные виды лихорадки; до самой смерти – затяжная водянка; в пору чумы было у неё три нарыва, а перед смертью – ещё и огромный камень, из-за которого она и отдала долг смерти. Всё это она терпеливейше переносила в течение весьма долгих лет, дабы дух её во вечности спасение снискал и со Христом среди отрад рая возликовал. Ведь чем обильнее становились её телесные болезни, тем более прибывало ней крепкой, как смерть, любви (*ср. Песн. 8:6*) к Богу и ближнему. Ибо по обилию любви, побуждаемая внутренним рвением, она дерзала призывать Господа умножить её несчастья и боли. Господь же, вняв молитвам её, когда у неё на теле возникло два нарыва, добавил третий – на подбородке. Наконец, страдала она и всеми обычными недугами, коими доводится болеть людям, кои она благоговейно переносила с дивным и неслыханным терпением из любви ко Христу, памятуя обо всех Его ещё больших страданиях. Едва ли ни хоть какая часть тела её не была измождена каким-нибудь особенным заболеванием. Так, на лбу у неё была трещина, тянувшаяся до переносицы, также и на нижней губе и подбородке – разрыв с запекшейся кровью, из-за какого неудобства она едва могла говорить. На правый глаз она была совершенно слепа, а левый её глаз всё время был так болезнен, что не выносил никакого вещественного света ни днём, ни ночью, и даже испытывал мучения от любого яркого освещения. Поэтому она постоянно лежала впотьмах, и её спальное место со всех сторон было занавешено простым покрывалом, которое редко открывали, чтобы дать повидать её людям. Зато часто видала она ангела света – в утешение премногих мук своих.

ГЛАВА VIII. О ТОМ, КАК ТЯЖКА БЫЛА ЕЁ ЛИХОРАДКА, И О НОВОЙ БОЛЯЧКЕ НА НОГЕ

Сия роза Христова подолгу претерпевала разные виды лихорадки: часто четырёхдневные, часто трёхдневные и часто каждодневные. Среди таковых терний страдания она совершенно предала тело своё воле Божией – на искупительное распинание; и по Его мановению всё устраивалось ко благу души её, куда лучше, нежели мог бы кто-либо из людей предсказать или придумать. И хотя она терпела трёхдневную лихорадку в течение семнадцать и более лет, но ради спасения и искупления душ она охотно готова была терпеть её до самой смерти. А приступы сей лихорадки были таковы. Сначала она испытывала несказанный жар, за коим следовала несказанная зябкость. Затем снова возвращался вышеописанный жар, после чего – крайний озноб; и таковое чередование длилось почти по полгода. Потом же лихорадка принималась за неё в обратном порядке: сначала был великий и несказанный озноб, а за ним – крепкий жар; что длилось до тех пор, пока бедствие полностью не прекращалось. Когда ж лихорадка прекращалась, Лидвина оказывалась настолько без чувств, что саму себя не помня, она не могла ни слышать, ни говорить. А когда она чувствовала приступ лихорадки, она готовилась к переживанию Страстей Господних, вверив себя и свои страдания Страстям Его, в Ком всякая горечь делается сладкою; Кто часто посредством исступления ума отрывал её от телесных [явлений], при чём она не замечала ни себя, ни иного чего-либо. Пока ж длилось сие лихорадочное состояние, она испускала изо рта некую красную жидкость, а когда её спрашивали, откуда берётся это вещество, коли не вкушает она ни еды, ни питья, она отвечала таким вопросом: «Скажите мне, откуда столько влаги берётся в виноградной лозе, которая в зимнюю пору кажется иссохшей и как бы мёртвой?» Ведь дева Христова весьма укреплялась своим столь немощным телом, будучи поглощена благими размышлениями о Боге, и насыщалась ими куда более, чем кто иной самыми что ни на есть дорогими яствами. И не препятствуй ей присутствие людей и собственные немочи, она была бы не удивлена, коли по обилию благодати Божией с каждым месяцем в её теле прирастало бы плоти на гамбургский чан объёмом.

Также, когда однажды перед заговением люди устроили игрища на улице близ её каморки, она много скорбела о сих суетах. И помолилась она ко Господу, дабы, если будет Его благоволение о ней и если Он сам содеял с нею, то да изволит он показать ей сие знамение: новой болезнью. Господь же, вняв оным молитвам, даровал ей на ногу новую тягостную болячку. И сим недугом она до ближайшей Пасхи мучилась так тяжко, что, познав свою немощность, более не смела прибавления недугов себе. Однако при всех своих повседневных страданиях она говаривала тем, кто по-дружески подсоблял ей, что охотно сносила бы их пускай сорок лет, более того, даже до конца света – ради обращения хоть бы скольких-нибудь грешников или ради избавления душ верных от чистилищных мук. И хотя она страдала от столь тяжких недугов, сознание сохраняла полностью, равно как живой ум и память: так что многим, кто приходил к ней из отдалённых краёв за советом, подавала как в духовных нуждах утешение, так и в телесных – исцеление. Многим женщинам она помогла справиться с затруднениями при родах милостивым состраданием и советом. При сих дарах, уделённых ей свыше, она не надмевалась, но, укрощая сердце своё во смирении, несла все бремена с величайшим терпением в любви и страшилась, как бы после сей жизни на угодить в чистилище. И таковую благодать она обрела у Бога, что святые ангелы считали следы тех, кто посещал её с благочестивыми целями. Посему утешала она посетителей своих, которые иногда жаловались на тяготы пути, говоря, чтобы не скорбели от утомления, ибо воздаст им

Бог благой наградою за труды.

ГЛАВА IX. О ТОМ, КАК ЖЁСТОК БЫЛ ОДР ЕЁ И КАК ХОЛОДА УГНЕТАЛИ ЕЁ ЗИМОЙ

Господь и Спаситель наш Иисус Христос восхвалял Иоанна Крестителя, помимо прочих его добродетелей, за грубую одежду и воздержание, добавляя также: «Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских» (*Мф. 11:8*). Сия же дева не во дворце царском была воспитана, но в доме отцовском, угнетаемая долгими, многообразными и тяжкими недугами, временно была принуждена чрезвычайно немощью своей лежать маленькой пуховой перинке: не для угождения плоти мягкостью, но чтоб малость поддержать хрупкое естество, дабы способно оно было служить духу. Но когда по причине множества ран она не могла более выносить пуховой подстилки (потому что пух, заскорузнув от влаги, вызывал у неё пролежни), перину убрали, и она одно время лежала на голой соломе, а в течение трёх лет покоилась голой спиной на жёсткой доске, взятой из днища бочки. Итак, возлеги на жалкую солому, бедняжка, исполненная язв, сестра Лазарю нищему и убогому, уступила перину свою для сна племяннику и племяннице, кои денно и ночью с равной любовью посменно служили ей в нуждах.

В год Господень 1408-го столь крепкий мороз свирепствовал всю зимнюю пору в мире, что люди пострадали от его продолжительности и свирепости паче обычного, притом он умертвил растения земные и рыб под водою. В сию лютейшую зиму многоболезная служаночка (*vernula*) Христова, изнурённая ранами, по причине страшного мороза и наготы часто до того окоченевала, что члены её чернели, а слёзы на глазах заледеневали, так что она видеть не могла, если не растопить их, поднеся огонь. Выдержала же она от воздействия мороза великое множество и других тягот, каковы и здоровым едва ли возможно вытерпеть, и если бы Создатель естества сверхъестественным образом не упас её и не предохранил, то несомненно она лишилась бы жизни. И среди всех оных столь многих несчастий и при скоплении собственных нужд она, как благостная мать и милосердная кормилица, всегда держала в памяти других нищих и у себя отнимала необходимое, дабы им в скудости их помочь. Однако богатые мира сего, что живут в удовольствиях и упиваются во многой роскоши на погибель душам своим, совсем позабыли о ней и не протянули руки помощи нищей больной. Многие, не зная её святости, даже презирали её и, почитая безумной, насмеялись над иступлениями ума её. Тогда исполнилось на неё то, что было сказано святым Иовом: «Ведь над простотою праведного насмеются; и презрен светильник в помыслах богачей» (*Вульг. Иов. 12:4-5*).

ГЛАВА X. О ЕЁ БДЕНИЯХ И БОРЬБЕ С СОНЛИВОСТЬЮ

Многим кажется весьма удивительным и почти невероятным, как немощная плоть могла продержаться при таких муках и тягостях, притом всё время не укрепляемая ни пищей, ни питьём, ни даже сном. Но если принять во внимание силу Божию, которая делает невозможное возможным, [то становится понятным, как] дева смогла вынести всё в Укреплявшем её (*ср. Флп. 4:13*), ибо что было превыше природы (*naturam*), было устроено (*natum*) деянием Божиим. Свидетели [сему] суть многие мученики и девы, ввергаемые в пламя, кои благодаря устроению Божию и защите оказались не только долготерпеливы в мучениях, но даже радостны; и более того: под ударами мечей и в огне оставались невредимы. Однако рука Господа не сократилась (*Ис. 59:1*) и не изнемогла десница Всемогущего на спасение надеющихся на Него, но во всякое время и на всяком месте (*Прем. 19:21*) близок

Господь ко всем любящим и призывающим Его в истине (*ср. Пс. 144:18*). Итак, подобает признать действие Божества в сей немощной рабе Божией, а тленному человеческому разумению – прекратить сомневаться. Ибо, когда оно полагается на собственные мнения, [обретаемые] доводами от естества, в большинстве случаев изнемогает и слепнет в своём изыскании. Ибо естеству нужно смолкать, когда глаголет Божество, а земному – уступить, когда речь заходит о небесном.

Итак, она же дева, предолго лёжа на одре болезни, не забывала своего Творца, но поминая имя Господне день и ночь (*ср. Пс. 1:2*), ревностно предавалась святым размышлениям и молениям: а прежде всего во время богослужений и свершения полуденной (*summae*) мессы. Посему стоит рассказать и любо будет послушать, как мужественно боролась она с сонливостью и победила. Многим людям часто бывает присуще поддаваться сонливости именно во время богослужения – либо по собственной слабости, либо из-за наущения дьявола, всегда старающегося противодействовать человеческому спасению и благоговейным молитвам. И вот, когда ученица Христова привыкла чаще молиться, тогда она более обычного стала чувствовать, что во время богослужения её отягчает и искушает дух лености и сонливости; и хотя в то время она обычно весьма мало спала, однако тяжело в глубине души скорбела о такого рода искушении вялостью и не смела ему уступить. Духовник же её, боясь, что грозит ей беда, если она не станет спать, под предлогом сохранения здоровья убеждал её более не сопротивляться сну, но, чтоб какой бы ни наступил праздник, в любую пору и час готовилась она почивать. И вот, однажды в пасхальные торжества, когда попущено было оному искушению тяжело её тревожить, она, памятуя о Боге, с величайшей неукротимостью противостояла сонливости согласно написанному: «Противостаньте дьяволу, и убежит от вас» (*Иак. 4:7*). Итак, добившись сей одной победы над сонливостью, она так была укреплена свыше против неё, что с тех пор и до самой смерти не спала и сонливостью не бывала искушаема. Ведь как ангелы святые, противопостав первому искушению гордыней, стали утверждены а благодати (а поддавшиеся – низвержены с небес), так и сей победительной деве был дан дар неодолимой крепости во многих бдениях и в страданиях, без меры её поражавших: коими испытана она была, как золото, испытываемое в горниле пламенном (*ср. Прем. 3:6*).

ГЛАВА XI. О БЕДНОСТИ И ТЕРПЕЛИВОСТИ ОТЦА ЕЁ

Отец сей святой девы, вышеупомянутый Питер Янс (*Petrus Iohannis*), хоть и дошёл до такой бедности, что с большим трудом зарабатывал на жизнь ночным сторожем в городе, всё же был честен и совестлив, и поэтому несмотря на нужду свою не желал проедать милостыню дочери своей, говоря, что грехом это было бы для мужчины. Сего ради желал он и дочку свою любимую убеждал, чтобы преподносимое ей употребляла она ради Бога и расходовала на благочестивые цели.

Итак, в оную вышеупомянутую суровую зиму случилось так, что во время несения своей ночной стражи, оковали его члены от чрезвычайного мороза, и вернулся он домой с отмороженным большим пальцем на правой ноге. В этом случае проявляется порядочность сего мужа, ибо он предпочёл стерпеть суровый мороз и кормиться трудом сторожа, нежели проедать милостыню нищих. Ибо написано: «Ты будешь есть от трудов рук твоих: блажен ты, и благо тебе!» (*Пс. 127:2*)

В ту самую пору герцог Вильгельм с госпожой герцогиней Маргаритой и великой свитой прибыл в город Схидам. А узнав о бедности Питера, славнейшего мужа из рыцарского рода, проникся искренним состраданием и ради благоговения перед

святостью дочери его приказал ему смело просить сколько он сочтёт достаточным на ежегодные расходы и нужды. На что тот простодушно ответствуя, испросил двенадцать французских крон. Герцог оный, подивившись скромности просящего, приказал выдавать ему ежегодно столько крон, заверив притом, что готов уделять ему вдвое больше, лишь бы только он более не испытывал таковых лишений. И поначалу-то сии деньги исправно выплачивал ему, но потом охладел в дарении, ибо милость человеческая быстро у дарителя быстро истощается, а потому блажен человек, который имеет сокровище на небесах (*ср. Мф. 19:21*). Питер же, получив милостыню от вышеупомянутого герцога Вильгельма, от оказанного благодеяния не возгордившись, но к Богу с благодарностью обратившись, усердно посещал церковь, прилежал по мере сил благоговейным молитвам и был премного доволен насущным пропитанием и скромным платьем.

ГЛАВА XII. О НАВАЖДЕНИИ САТАНЫ, ЧТО СТОЛКНУЛ ОТЦА ЕЁ В КАНАВУ

Когда же благочестивый оный Питер стал от старости столь немощен, что едва был в силах ходить и от лёгкого толчка падал (почему и приходил часто домой с ушибами), он не прекратил несмотря на ушибы и падения посещения церкви, но, словно всё ещё в юных летах, влекомый благочестивым рвением, посещал храм Божий, даже против воли дочери своей. Ведь святая дочь беспокоилась об отцовом здоровье, более страшась и беспокоясь об опасностях для него, чем о муках собственной болезни.

Итак, однажды в канун Пятидесятницы вышел он, чтобы послушать вечерню, и встретил диавола в облике знакомого человека (как казалось наружно). Сей, желая обмануть простеца, пригласил его немножко прогуляться вместе за город, а к вечерне, мол, они вернутся вполне вовремя. Когда же он, не зная, что это сатана, уступил его убеждениям, они пошли вдвоём за городские ворота в место, называемое Дамлан. Тут бес, явив подлый обман свой, внезапно кинулся на Питера и, прежде чем он успел что-нибудь увидеть и осознать, поверг его в канаву и исчез. Он начал тонуть, и не было поблизости никого, кто мог бы помочь, но тогда промыслив Божиим некий возчик, знакомец его, вопреки своему обыкновению проезжал той дорогой на телеге с поля, направляясь в город: он-то и увидел, что Питер валяется в канаве и никак не может себе помочь. Проникнувшись жалостью, он немедля извлёк его из грязи и, возложив ушибленного на телегу, благополучно привёз его в город. И тут же внезапно ложная молва донеслась до слуха всех, будто бы Питер утонул и умер. Каковое событие так огорчило дочь его, когда она услышала о нём, что она потом не могла вспоминать тот вечер без тяжкой скорби о несчастье, постигшем отца её. Ведь лукавый враг рассчитывал, что нанесёт деве огромный урон, если к страданиям от её ран прибавятся страдания её отца. Но Бог, слышащий тех, кто в муках, и скорбных утешающий, обратил в скором времени тяготы отца в покой; скорбь – в радость; нищету – в богатство небесное. Ибо, получив утешение от Пресвятой Девы, он блаженной и скорой кончиной был избавлен от борений сего мира и уловок диавола.

ГЛАВА XIII. О КОНЧИНЕ ЕЁ ОТЦА В КАНУН ПРАЗДНИКА НЕПОРОЧНОГО ЗАЧАТЬЯ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ

За несколько дней до праздника Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии благоговейная дева Лидия, дочь Питера, предузнала, что отцу её должно преставиться от сего мира. Ибо же говорила она, что втайне услышала от своего отца о товарищеском договоре, в который вступила с ним Пресвятая Дева Мария,

пообещав ему ближе к сему празднику призвать его из сего мира. Что и случилось так, как она предсказывала. Ибо благоверная дева предупредила господина пресвитера Иоанна, приходившего к ней за советом, чтобы в тот день он отправился служить мессу в селение Ауденши, дабы назавтра не случилось никакого небрежения на похоронах отца. После этих слов в канун праздника Непорочного Зачатия Пресвятой Девы последовала смерть отца – согласно видению и прежде объявленному пророчеству.

После смерти его, хотя дочь, лишённая земного утешения от отцовского присутствия, о спасении отца ходатайствовала и была в оном удостоверена, зловредные бесы, враги всего доброго, то и дело весьма огорчали её, заверяя, что отца её они заполучили к себе и находится он среди осуждённых. Из-за этого она стала безутешно плакать, словно бы слышанное ею от бесов было правдой. Посему, когда домашние расспросили её, почему она столь горестно рыдает, ответствовала: «Я-то знаю, что дела отца моего обстоят весьма хорошо, а всё-таки бесы говорят, что он осуждён». И вот, как-то раз, когда святой ангел вёл её полюбоваться радостями рая, бесы преградили ей путь и показали, дразнясь и издеваясь, ей некоего беса, принявшего подобие её отца, говоря: «Гляди-ка, гляди, а у нас твой отец!» Тогда она, понимая, что бесы показывают суетное наваждение, а не истину, сказала, что сей не может быть её отцом. И они немедля исчезли, как дым, а дева под руководством ангела радостно продолжила свой путь.

ГЛАВА XIV. О КОНЧИНЕ ЯНА ПИТЕРСА, ДЕДУШКИ ЕЁ, И О ЕГО ДОЛГОТЕРПЕНИИ

Не подобает умолчать о добропорядочности и терпении Яна Питерса (Iohannis Petri), что был дедушкой сей девы и родителем отца её, [но поведать о нём] во славу Божию и к вящей чести благих отпрысков его. Итак, оный Ян Питерс, пользовавшийся доброй славой и ведший похвальную жизнь, после кончины супруги своей прожил более пятидесяти лет во вдовстве, доколе не достиг почти девяноста старческих лет. И таковую он являл сдержанность и воздержание, что после смерти супруги, точно одинокий голубь и приверженец чистоты, никогда не знал женщины. Сверх того, с целью охранения целомудренной жизни он дважды в неделю постился на хлебе и воде, а мясо ел на обед только один раз в неделю, а именно – в воскресенье. Когда умирал он, сатана, злобный кознодей, видя, что не подступиться к нему, поднял в прочих частях дома такой беспорядок, что поразбивались глиняные горшки, однако сливочное масло, что хранилось в одном из глиняных сосудов, не пропало и не пролилось. И не удивительно, что диавол смел строить козни и вредить вернейшему слуге Христову, ведь он Христу постящемуся досаждал искушениями, хоть и отступил от Него побеждённым и посрамлённым, ибо невозможно лживому одолеть Всемогущего. И, как после ухода искусителя святые ангелы приступили ко Христу (*ср. Мф. 4:11*), так, подобает благочестиво веровать, и душа Яна Питерса, охранена была ангелами и ко Христу, Коему он при жизни служил, после смерти плоти благополучно препровождена.

ГЛАВА XV. О СМЕРТИ ПЕТРОНИЛЛЫ, МАТЕРИ ЕЁ

Сообразным также представляется поместить на этой странице описание кончины благородной жены Петрониллы, матери сей святой девы, и, воздав должное добродетелям её, причесть жену к благородным мужам. Итак, когда прошло восемь лет после начала болезни девы Лидвины, мать её Петрониллу, много ухаживавшую за больной дочерью, тоже постигла болезнь телесная, от которой она, как одна из

дщерей Евы, умерла. При приближении же смерти она, сознавая несовершенство своё, сетовала, что прожила жизнь не слишком праведно, но, зная, что возлюбленная дочь её Богу угодна и мила, просила о помощи при смерти своими заслугами и заступничеством. Сама же она, всё помышление и всю надежду свою возложив на Господа, говорила, что охотно желала бы умереть; и настолько она отказалась от своей воли, что не хотела бы дать и малейшему червячку умереть вместо себя. Услыхав сие, святая и верная дочь, уязвленная скорбью и сердечным состраданием к матери, стала увещевать её святыми словами ввериться благодати Божией так, чтобы терпеливо перенести бич Божий и смерть, для всех неизбежную. А поэтому со всяческой охотностью пожертвовала ради вспомоществования ей и полностью уступила ей для того всё благие заслуги, следовавшие из свершения добродетелей, трудов и долготерпения. Когда мать услышала сие и благодарно приняла, она, вверившись Божью милосердию, предала себя в руки Создателя. Она же дева, оставшись во всём своей матери верной до смерти (*ср. Отк. 2:10*), и обдумывая, что теперь предстоит делать (ведь она считала, что лишилась почти всех своих прежних благих дел), начала новый подвиг: закуталась в грубую и широкую власяницу, новую скорбь прибавив к старой, дабы добиться милости Божией к себе и ко всякой душе верной. А спустя несколько лет ношения девой власяницы по причине [истечения] водяночных жидкостей из её тела первая власяница, обветшав, совсем испортилась, она опять с мужественным рвением надела новую и затем последовательно ряд других, сменяя их по мере изнашивания, – и так до последней, в коей она и преставилась из сей жизни.

ГЛАВА XVI. О ЕЁ СОСТОЯНИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАТЕРИ И О МИЛОСЕРДИИ К НИЩИМ

После смерти матери дева, памятуя о материнской любви, дабы выплатить долг дочерней привязанности, не стала закапывать вверенный ей талант в землю, но те немногие серебряные украшения и ещё кое-какую домашнюю утварь, что осталась от матери в её распоряжении, продала ввиду настоятельной необходимости по дешёвке, а вырученные за то деньги так щедро раздала нищим, что, ставши оживительницею убогих, сама дошла до предельной нищеты. Даже то, что она получала от верных в милостыню, с такой радостью передавала нищим, что, казалось, будто не заботилась ни о чём земном. Таким образом за счёт полученных и отложенных на крайние нужды денег она посылала всякого рода нуждающимся хлеб, мясо, сушёную рыбу и сыр да и пива попить в том кувшине, что любящая мать оставила ей; и если что ещё ей доставалось от Бога, она добросовестно то раздавала. А пока близкие разносили сии посылки, она предавалась благоговейным молитвам, благодаря Подателя всех благ, уделявшего ей нечто на пользу нищим.

ГЛАВА XVII. О ТОМ, КАК ЕЁ ПОСТЕЛЬ ЗАГОРЕЛАСЬ, А ОНА ПОТУШИЛА ЕЁ ОДНОЙ РУКОЙ БЕЗ ВРЕДА ДЛЯ СЕБЯ

Как-то раз брат сей девы, который после отца своего тоже стал ночным сторожем, в уголку на возвышении у изголовья её постели неустойчиво поставил зажжённую свечу и вышел вон. Свеча же, упав на соломенную подстилку, сожгла большую часть постели, пока Лидвина, закрыв лицо, предавалась своему обычному молитвословию. Наконец она пришла в себя и, открыв глаза, увидела, что оказалась посреди пожара, а рядом нет никого, кто его потушил бы. Тогда она левой рукою с помощью Божией затушила весь огонь без вреда для себя к удивлению всех, кто, войдя к ней утром, увидел то, что натворило возгорание в постели, а дева при том осталась невредима. Впрочем, в то время периной пользовалась не она, а племянники, данные ей в

услужение, ибо сама она, несмотря на болезнь, лежала на соломе.

ГЛАВА XVIII. О ТОМ, КАК В ДЕНЬ НАЧАЛА ПОСТА АНГЕЛ ДОСТАВИЛ ЕЙ ПЕПЕЛ

Преблагоговейная дева по образу прочих христоролюбцев имела обыкновение в среду на заговение Великого поста смиренно принимать освящённый пепел из рук своего духовника, который, взяв оный в церкви, приносил его ей с собою, дабы начертать на челе её знак креста (*ad signandum*). И вот, однажды на Четыредесятницу, когда наступила Пепельная среда, духовник зашёл к ней и спросил, не желала ли она, чтобы он принёс с собой пепла из церкви. Дева же в ответ сказала: «Наверно, было бы хорошо, коли бы вы так сделали. Однако Господь меня снабдил пеплом». Ибо ангел Господень пришёл незадолго до него и пеплом начертил крест на её челе. Но дабы духовник в том убедился, она, взяв руку его, возложила её на пепел, дабы он потрогал его, и духовник явственно почувствовал, что так оно и есть. Сверх того, дабы приобщиться таковой благодати, он, с её позволения, приложился к её челу своим. Ещё ангел Господень научил её, что те, кто принимает освящённый пепел, должны делать это со светом и крестом, то есть принеся на алтарь зажжённую свечу и грошовый крестик в знак приношения себя Богу со светом веры в истинной покорности и самоотвержении.

ГЛАВА XIX. О ТОМ, КАК В КУВШИНЕ ЧУДОМ ПОЯВИЛОСЬ ВИНО

Некая нищенка, страдающая к тому же падучей, бродя от двери к двери, просила пить. Хотя все в страхе перед её болезнью избегали её и закрывали двери свои, дева милостивая и ни от кого из несчастных не отвращавшаяся, проведав о беде её, приказала – когда побирушка приблизилась к дому – зазвать и ввести к ней. Войдя же к деве, та попросила питья в милостыню. Тогда больная дева, сострадая просящей нищенке, но не имея ничего под рукой получше в даяние, повелела, чтобы та сняла стоящий на полке кувшин и попила. «Возьми, – молвит, – доченька, тот кувшин и испей вина, что там есть». Когда, опустошив оный и всё ещё томясь жаждой, нищенка попросила ещё, дева ответила, что не знает, будет ли в доме ещё какое питьё. Но, чтобы та не ушла грустной и неудовлетворённой, дала ей один грош – купить на него разливного вина.

Потом с приближением вечера стали губы девы сохнуть от жажды. И вот попросила она у отца своего, тогда ещё живого, чтобы поднёс ей малость вина – утолить иссушающую жажду. Когда ж он, ответив на сие «Охотно!», взял вышеупомянутый кувшин, чтобы исполнить просьбу дочери, он сразу наполнился вином, которое появилось там Божиим мановением. Так вот, за ту малость, что она радушно даровала нищей в нужде, Лидвина получила от Бога много большее и лучшее воздаяние. Когда же отец сообщил о сем дочери, она, удивившись, сердечно возблагодарила Бога.

И было сие вино таким ярко-красным и так хорошо смешанным, что не было нужды добавлять в него воды, как она обычно поступала с другими винами. Хватило же сего вина от праздника св. Ремигия аж примерно до праздника Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии. В то время пришла к ней некая порядочная дама по имени Катарина Симонис, которая, испытывая к ней особое благоговение, обычно приносила вино. Она в неведении о тайне богоданного вина, желая предоставить ей лучшего и свежее, с отвращением перед, как ей казалось, чрезвычайно старым тем вином, остатки его целиком выплеснула – и поэтому оным небесным благословением Лидвина более не располагала (хоть и говорила дева вышеназванной Катарине,

почитательнице своей, перед тем, как она выплеснула вино, что оно ей вполне подходит и нравится, что она никогда прежде подобного не пробовала). Сие знамение благодати свершилось с ней в год Господень тысяча четыреста двадцатый, когда она всё ещё потребляла вино – по полпинты в неделю.

ГЛАВА XX. О ДЕНЬГАХ, ЧТО БЫЛИ УПЛАЧЕНЫ ЗА ЕЁ БРАТА И УМНОЖИЛИСЬ В КОШЕЛЬКЕ

Потом, в год Господень 1423-й почил брат сей девы Вильгельм Питерс, оставив после себя некоторые долги, которые дети его заплатить были не в состоянии. Узнав же о том, премилостивая дева, продав оставшиеся в наследство от матери украшения, выручила за них восемь голландских фунтов, поручила их разменять монетами по грошу, что ей было понятнее; и сложила их в кошельке рядом с собой.

И вот, однажды ввечеру позвала она Николая, родственника своего, жившего вместе с ней, и отправила его расплатиться с каждым из братниных займодавцев по известным ей местожительствам. Заплатив же всем, кому, как она знала, причиталось заплатить, она приказала Николаю заглянуть в кошелёк: не осталось ли там чего. Он же с полнейшей уверенностью ответил: «В нём ещё полно денег!» Она немедленно приказала ему посчитать их. Считая же, он сказал, что нашёл там прежние восемь фунтов и к тому ещё излишек. Тогда она воспретила ему считать далее и, возблагодарив Бога за чудесный дар Его, постановила в дальнейшем кошелёк оный называть Иисусовым кошельком и что должно из него выдавать нищим по нуждам. И из него она радушно раздавала деньги нуждающимся, когда не имела других. Если же подчас имелись у неё другие деньги – собственные или полученные в милостыню, – она прежде всего давала их, ну а когда других не было, из сего кошелька Иисусова она раздавала деньги так щедро, что мало в нём оставалось. Однако всемогущий Бог по милости Своей устроил так, что на благо нищих в нём всегда хватало, подобно как по слову Илии в доме вдовы не истощалось масло в кувшине (*ср. 3 Цар. 17:14*). Иногда она также давала кому-нибудь из близких друзей своих посчитать сии деньги, и когда он пересчитывал их во второй или третий раз, всегда обнаруживал, что их прибывало на три или четыре, а то и пять монет. Итак, оплатив из сего кошелька долги брата своего, она раздала из него более чем сорок фунтов (как она поведала некоторым из ближайших друзей своих). И посредством сего чуда Бог явственно наставил ведшего подсчёт, что подобает крепко веровать в дары Божии, творимые ею.

ГЛАВА XXI. О ТОМ, КАК НИЩИМ БЫЛ ОТДАН СВИНОЙ ОКОРОК, А ВЗАМЕН ЧУДОМ ПОЛУЧЕН ДРУГОЙ

Когда милостивая и милосердная дева Лидвина однажды узнала, что кто-то из нищих давно по скудости своей не едал мяса, и, не имея сама в то время мяса, чтобы дать им, послала в дом одного из друзей своих с просьбой сварить свиного окорока и передать ей. Сама же, получив приготовленное мясо, разделила на части и без промедления отправила вышеупомянутым нищим, о нужде коих знала. Но всемогущий и милосердный Бог, Кто знает сердца всех и ни единого блага не оставляет без награды, быстрым воздаянием ответил на любовь сего благодетеля даже в настоящей жизни. Ибо, войдя в дом свой, он случайно глянул вверх на подвешенные куски мяса и увидел (дивно сказать!), что на том месте, где прежде был окорок, который он пожертвовал, передав деве на окормление нищих, висит другой – лучше и красивее. Услышав о чём, многие воздали благодарение всемогущему Богу и впоследствии были более привержены ей, охотно уделяя деве

то из белого мяса, что она просила в пищу нищим.

ГЛАВА XXII. О ТОМ, КАК МЯСО И ГОРОХ, ПОСЛАННЫЕ НИЩИМ, ПРИУМНОЖИЛИСЬ

Подобно тому случилось однажды осенью, что дева купила четверть телёнка и поручила засолить это мясо в четверти бочки; также раздобыла и половину некоей мерки гороху на нужды нищих, желая сим в зимнюю пору поддерживать неких бедняков, размещавшихся у неё доме. Когда же часть вышеупомянутого мяса она послала в 36 бедняцких домов, посыльный, вернувшись к ней, с удивлением молвил, что он раздавал только четверть того, что первоначально было засолено в бочке, и убыло доселе мало. Услыхав же сие, дева, созерцая великую благодать Божию и благодаря небесного Промыслителя своего, молвила посыльному: «О сколь велико могущество Господа Бога нашего! О сколь охотно подобает нам подавать милостыню нищим!» А вышеупомянутым мясом и горохом питались даже все, кто жил в доме её. Так велико было благословение Господне на вышеупомянутой снеди, что и после празднования Пасхи от неё осталась почти половина. И всю зиму она приказывала однажды или дважды в неделю наполнить большой котёл горохом и варить, и раздавать [варево] из него вместе с вышеназванным мясом нищим, подражая примеру пророка Елисея, который предписал приготовить похлёбку для сынов пророческих (*ср. 4 Цар. 4:38*). И редко посылала она кому что-нибудь из этой [снеди], не прибавив монетку маленькую или большую, если, впрочем, у неё самой таковая оказывалась. Притом даже хлеба она не подавала, не прибавив какой-нибудь закуски к нему либо денег, чтобы купить приправы к еде. По любви своей помогала же она милостыней, когда просили её, не только нищим, но даже богатым. Долго рассказывать о каждом случае, как расточала она щедрой рукой всё, что удавалось ей получить, болящим, немощным, мужчинам, женщинам и роженицам.

ГЛАВА XXIII. О ВИДЕНИИ НЕБЕСНОЙ ТРАПЕЗЫ, НАПОЛНЕННОЙ МИЛОСТЫНЯМИ НИЩИХ

А насколько угодна была Богу милостыня, показало некое небесное видение, явленной ей в исступлении ума. В коем, когда она была восхищаема в рай, видела там прежде всего составленные столы, покрытые зелёными и шёлковыми скатертями; а затем, как милостыни её словно бы с небес опускаются и становятся на столы те, однако без какой-либо убыли, а лишь с прибавлением. И видела Лидвина, что питьё, которое она обычно раздавала в каменных кувшинах, представлено бывало там же в кувшинах прозрачных наподобие кристалла. Также были выложены там и рыбы сушёные, которые она дала племяннице своей Петронилле. Видела она ещё собрание славных блаженных: каждый из них в свою очередь в зависимости от старшинства подходил в подобающее время к столу, словно чтобы угоститься; также [видела она], что пресвитеры держат, воздев, чаши, а прочие несут соответствующие своему достоинству снаряжения; [увидела] также себя, как она при том присутствует, и прислуживает, и вместе с трапезничающими восседает; [видела], как сидящим и ей подают питьё, и как все были исполнены неизреченной радости и ликования о столь великой любви, ею к ним проявленной. Если же Лидвина когда видела, что на столах не выставляется ничего из её пожертвований, она стояла в страшном смущении, как если бы все внесли свои доли [в общую трапезу], а она ничего не добавила. Посему, как по причине перенесённого смущения, так и ради возвеличения славы милостотворения, иногда ангел-проводжатый в некую особую и просторную комнатку проводжал её, где подавал ей угощение. Хоть сие угощение и чувствовалось ей неизъяснимым, всё же, насколько

она могла описать его словами, являлось неким божественным светом, который её укреплял и упоял. Подчас она даже добивалась мольбами от ангела, чтобы он кого-нибудь из близких и дорогих ей людей вознёс ко вкушению сего, хотя они чувствовали, что нечто такое происходит с ними в сонном видении, да совсем иным, низшим образом, нежели с нею самой.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ КНИГИ

ЧАСТЬ II

НАЧИНАЕТСЯ ПРОЛОГ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ ЖИТИЯ ОНОЙ ДЕВЫ

После того, как вкратце было сказано о многих недугах и скорбях сей девы, а равным образом о благостных её деяниях милосердия и некоторых чудных свершениях во славу Бога всемогущего, ныне, соответственно, подобает также малость порассказать да к наставлению благочестивцев смиренно поведать о духовных дарах её и божественных утешениях да о частых восхищениях духа.

ГЛАВА I. О ТОМ, КАК НАЧАЛА ОНА ОБРЕТАТЬ ДУХОВНЫЕ УТЕШЕНИЯ В ПОМИНАНИИ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ

Как встарь Бог тайны Свои изрекал устами святых пророков на утешение избранным Своим, так и ныне глаголет Он им через писания учёных и примеры благих, дабы часом, угнетённые различными мирскими невзгодами и уязвленные бедами, не лишились они надежды и упования на будущие радости. Ибо ведь молвит святой Давид, коему Бог открыл «тайное премудрости» Своей (ср. Пс. 50:8. – пер. П. Юнгерова), что утешения Божии он часто получал среди многих бедствий: «При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои улаживают душу мою» (Пс. 93:19). Сие изречение Писания Бог истинно и явно исполнил в жизни сей святой девы до буквальности, ибо сперва Он очистил её различными скорбями и горестями, а потом, посетив её среди многих ранящих ударов, многочисленными утешениями её осыпал и возрадовал.

Итак, немного повторяя прежде сказанное: по прошествии примерно трёх или четырёх лет от начала своей болезни дева Лидвина, всё ещё не желая подвизаться в Боге и пока не покорившись охотно Богу (Коим ничего не делается на земле без причины), когда видела, что товарки, навещавшие её, здоровы и веселы, а сама она тяжело хворает, желала себе более телесного здоровья, как у прочих, нежели блаженства духа, стяжаемого добродетелью терпения. А поскольку духовных [утешений] она ещё не вкусила и неведомо ей было, что более угодно Богу, то подчас роптала она и много скорбела о недугах своих, да и плакала так прегорько, что ничьего утешения не принимала. И вот, пришёл к ней о. Иоанн Пот, духовник её, который обычно причащал её дважды в год, и попытался её утешить, убеждая поумерить эдакие стенания да предел положить скорбям своим. Затем благожелательным увещанием убедил её предаться воле Божией и сообразоваться да упражняться в размышлениях о Страстях Господних, заверив, что их посредством и содействием легко обретёт благое утешение. Итак, она спросила, каким образом совершать сии упражнения, но, когда согласно данным ей указаниям попыталась упражняться, не почувствовала сразу, чтобы потёк оттуда «мёд из камня» (ср. Втор. 32:13), и не распробовала в нём «муки пророческой» (ср. 4 Цар. 4:41), но то, что вошло в сердце её, не укрепившись там до конца, вызвало у неё отвращение, словно бы от горечи полынной, и она быстро отбросила сие. Но поскольку тот священник более настаивал и настоятельнее увещал её сделать над собою усилие и упорно

продолжать начатое, чтобы одолеть в благочестивом подвиге отвращение, она, наставленная превосходными советами священника, легко согласилась с его уговорами. И в итоге она с усилием приобрела благую привычку размышлять о Боге, которая с ходом времени по вдохновению вышней благодати породила в ней таковую сладость, что, совершенно отвергнувшись себя, она откровенно говорила, что, если бы можно было единым Ангельским приветствием вернуть себе полное телесное здоровье, она бы всё ж сего не сотворила и не пожелала. Поистине сие было «изменение десницы Всевышнего» (*Пс. 76:11*), Который руку Свою подал нуждающейся (*ср. Прит. 31:20*) и утешал её в болезни долгими ночами, проводимыми ею на одре скорбей. Ибо ведь привлечённая и увлечённая тайной сладостью Страстей Господних, она круглые сутки, разделив на семь частей по числу канонических часов историю Его всесвятых страстей, в установленные временные промежутки их вновь и вновь обдумывала и, обретая в том сокровенную манну, таковой бывала исполнена сладостной радостью, что уже казалось ей, не она сама терпит те страдания, что доныне переносила в теле, но – Христос, о чьих страстях она размышляла. Тогда, наученная напрямую Духом на опыте, могла бы она сказать вместе с Исайей: «Истинно Ты Бог сокровенный» (*Ис. 45:15*). И снова воскликнуть: «Душею моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра» (*Ис. 26:9*).

ГЛАВА II. О ВОСХИЩЕНИИ ЕЁ ВО СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ И КО СВЯТЫМ МЕСТАМ ГРАДА РИМА

Итак, когда болящая дева, ежедневно с усердием занималась размышлениями о Страстях Господних, порой её святой ангел восхищал в те местности Святой земли, где Спаситель наш, родившись, жительствовав и пострадав, свершил таинство человеческого спасения. Когда же она была допущена на Голгофу, где Господь был распят, и в другие света места, дабы облобызать крест Господень и раны Его, и ради смягчения мук её дано было испить ей мёду из камня и елея из твердой скалы (*ср. Втор. 32:13*); когда довелось ей обнять стопы пробитые и [присутствовать при том, как] Жених её, распятый ради любви, испускает дух, тогда и она тоже по примеру Того, Кого взыскала и полюбила, в руки Его предала дух свой (*ср. Лк. 23:46*). И хотя она часто от ран плоти в созерцательном восхищении переходила к проникновению в бездны божественные (*ср. 1 Кор. 2:10*) (так что по обилию благодати и улады духовной лишалась ощущения телесной боли), всё ж порой так уязвляли её новые недуги, что даже, сладостно облобызав Крест Господень и раны Его, она возвращалась с некими язвами, запечатлёнными на устах её. А свершилось же сие по устройению Божию, дабы не только радовали изнутри её душу божественные утешения сообразно множеству скорбей в сердце её, но также сообразно множеству божественных утешений сокрушали её и смиряли снаружи внезапно возобновляющиеся муки и бедствия, ведя к тому, что, явственно и часто испытывая поочерёдно противоположное, она из этого познала, что получала от Бога, а что имела от самой себя. Тогда, наконец, молвил ей ангел: «Сии язвы на теле ты получила ради познания того, что была восхищаема также и в теле».

Ещё в другой раз, когда она проходила вышеназванными предивными местами, дорога оказалась скользкой, и она не смогла удержаться на ногах. И рассказывала она, что телесно ощутила удар на правой ноге и боль от одного удара, и что нога сия испытала растяжение. А по причине этого повреждения лодыжка её так раздулась, почернела и болела, что даже через много дней она страдала из-за неё. Подобным образом она была однажды восхищена ко святым местам града Рима. Проходя же между некими главными церквами, она шагала, раскинув руки, среди

кустов и колючек. Колючкой одного из кустиков этих она и занозила палец, каковая осталась в нём и причиняла ей, как и другие недуги, немалые неприятности в течение почти двух дней. О сих же телесных повреждениях, которые Лидвина получала таким образом, она обычно говаривала согласно слову ангельскому, что думается ей, будто восхищаема она бывала также и в теле. Но как происходили сие телесные восхищения, знал [лишь] сам ангел, провожавший её и давший свидетельство о них.

Подчас Спаситель наш Иисус Христос в окружении небесных сил, войдя в каморку её, словно царь с князьями своими, располагался за столом, и они, сидя по чину вокруг её ложа, преобильно потчевали её небесными яствами. И что удивительного, если не ела телесной пищи та, которая была уже вместе с ангелами насыщена божественным угощением; ведь сам Спаситель, искушаемый диаволом, ответил о хлебе: «Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4).

ГЛАВА III. О ЧУДЕСНОМ СИЯНИИ И БЛАГОУХАНИИ, ЯВИВШЕМСЯ В КАМОРКЕ ЕЁ

Многokrатно, разговаривая с нею, мужи великой учёности и благочестия, сведущие в духовных предметах, не разумели её и чрезвычайно дивились умственному её блистанию. Помимо чего домашние часто замечали, как днём и ночью Лидвину (когда её посещал ангел или она приходила в себя после вышних созерцаний) озаряло божественное сияние, видя кое, они, поражённые чрезвычайным страхом, боялись приблизиться к ней. И хотя она сама всегда лежала в темноте, а вещественный свет непереносимо резал ей глаза, весьма мил был ей божественный свет, когда он в ночное время часто так великолепно исполнял каморку её, что наблюдавшим могло подуматься, будто в одной каморке полно вещественных светочей или пламенников. И не удивительно, что даже телесно исполнялась она божественного сияния, ведь согласно изречению блаженного Павла мы «открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2 Кор. 3:18). И не только божественное сияние обычно окружало её, но и от неё самой, и из каморки её исходило такое благоухание, что входящие, обнаружив сие, думали, будто туда кто-то принёс разных ароматических пряностей и рассыпал. И сии чудесные благоухания бывали ощутимы, когда её посещал и касался Спаситель или ангел святой, либо когда она возвращалась из небесных и райских хранилищ (apothecis). Причём те, кто ощущал сей пресладостный аромат, не только обоняли его ноздрями, но и вкус был им насыщен; а на языке чувствовалась такая острота и так щипало им гортань, словно они ели перец или корицу. Однако в основном дивно сладкий запах исходил от её руки – когда святой ангел водил её за руку к вышним радостям и приводил обратно оттуда.

ГЛАВА IV. О ВИДЕНИИ В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ И О ТОМ, КАК ГРУДЬ ЕЁ НАПОЛНИЛАСЬ МОЛОКОМ

Некая пользовавшаяся доброй славой вдова по имени Катарина обитала какое-то время дома у сей девы. Однажды перед Рождеством Христовым ей в видении было показано, что в приближающуюся праздничную ночь грудь сей девы наполнится молоком и что она Катарины вкусит сего молока. Когда же вышеупомянутая вдова поведала об этом деве, та из смирения кое-как попыталась опровергнуть сказанное ею. Тут вдова упрекнула деву, что та смеет опровергать то, что ей было явлено

ангелом. Тогда дева, понуждаемая словами вдовы, велела ей приготовиться воспринять сей дар. Когда же по указанию девы она прилежно подготовилась к оному, то не обманулась в своём уповании на небесное обещание. Ибо вот, в ту самую всесвятую ночь Рождества Господня, дева Лидвина в восхищении духа узрела неисчислимое множество дев, впереди коих, подобно царице и владычице, предстояла, возглавляя их, Пресвятая Богородица Приснодева Мария, а также и саму себя увидела: допущенная в хор дев, она с веселием праздновала Рождество Христово. Также и множество святых ангелов стояли при сих девах, словно бы благороднейшие помощники и сотоварищи, прилежно оказывая служение знакомым девам, цветущим добродетелью целомудрия. И вот, при наступлении часа Рождества Господня, когда Дева-Роженица родила Христа, видно стало, как груди всех оных дев, а подобно им – и сей девы, набухли от обилия молока, и у них было столько молока, сколько для кормления Спасителя обрелось у Пресвятой Девы в груди её девственной, когда родила она Христа на свет. А ради того груди прочих по подобию Пресвятой Девы наполнились молоком, что это было знаком: все девы оные были пригодны и достойны вскормить Господа. И явилась там такая по свидетельству оной девы несказанная слава, каковой не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку (*ср. 1 Кор. 2:9*), и чего ни язык выразить, ни перо никакое описать не способно. Между тем вдова, памятуя об обещании, подошла к деве, которая, размяв грудь, испустила такое обилие молока, что вдова, трижды припав устами, насытилась и много дней провела, не имея желанья есть. И если бы дева не повелела ей есть, она легко отказалась бы от телесной пищи.

После сего Лидвина ещё два или три года воспринимала в созерцании такую же благодать и видение [о наполнении молоком] святой груди своей, но поскольку в установленный час не было рядом ни единого свидетеля, то никто и не вкусил дарованной благодати. Так да славится же Христос, рождённый от Девы, Который в наши времена с помощью болящей девы явил изумительные некие чудеса, дабы деяниями укрепить веру в людях (*fidem credentium*).

ГЛАВА V. О КИПАРИСОВОЙ ПАЛОЧКЕ, КОТОРУЮ АНГЕЛ ПРИНЁС ЕЙ ИЗ РАЯ

Во время болезни была у сей девы палочка из конопляного стебля, которой она пользовалась, чтобы отодвигать и задвигать занавески над кроватью; и ею же она обычно стучала, когда нужно было позвать кого-нибудь из семьи. Случилось же по причине городского пожара так, что из-за надвигавшегося бедствия вокруг её постели поднялась большая суеда, и пока вещи носили туда-обратно, та палочка тоже пропала, и где она осталась, деве было неизвестно. Позднее же, ночью в канун памяти св. Аполлинария, епископа и мученика (*до 1969 г. – 23 июля*), когда дева из-за горячего зноя едва могла перевести дух, она поискала палочку, чтобы отодвинуть завесу, и не нашла. И, огорчённая сим, она много скорбела, что ни сама себе помочь не может, ни другого кого нет рядом, кто пособил бы. И тут вдруг явившийся ангел Господень утешил её в горести, пообещав принести ей взамен другую палочку, получше. И без промедления, едва немного прошёл приступ лихорадки, ангел, как она заметила, легонько положил ей на грудь некий прут длиной приблизительно в локоть и ушёл. Протянув руку, она взяла его, но оценила его в общем-то невысоко, ибо на вид он был крив и вследствие плотности тяжёл (потерянная палочка была куда легче), поднимать его и двигать им ей будет трудно. Впрочем, промолчав об этом, она безмолвно сказала себе самой: «Теперь-то я вполне успокоилась?» Что ж, однако, было ей делать; она ведь не знала ещё о достоинстве сего прута. Ввиду этого она попросила о. Иоанна, духовника своего, отнести прут к плотнику с просьбой обстругать рубанком оный прут по наугольнику. Итак, священник зашёл в

дом некоего бочара, который едва сохранил один рубанок из всех орудий, пригодных для сего труда; прочие сгорели прежде – при городском пожаре. Когда же принялся он стругать прут и изрядно сильно заглубил в него рубанок, таким повеяло оттуда сладостным благоуханием и столь приглядное обнаружилось внутри нечто наподобие воска, что, хотя снаружи [палочка] казалась безобразной, он без сомнения заявил, что это кипарис. Чему оба равно удивившись (ибо священник не счёл возможным рассказать плотнику, что сие был за прут и откуда он взялся у девы), они стали наперегонки собирать щепки и опилки. Затем священник по настоянию плотника отправился с неотёсанным прутком к другому, более искусному ремесленнику, чтобы тот более подобающим образом обтесал (*conquadraret*) его по отвесу. Но, когда они наедине с удивлением обнаружили такое же благоухание и цвет неведомой древесины да подобрали из благоговения перед необычайностью [сего явления] упавшие стружки, изумлённый священник не посмел более просить обстругивать прут, а поспешил вернуть его деве. Когда же он стал расспрашивать её, как он попал к ней и каково его происхождение, она не знала, что сообщить о его природе (*quidditatem*), однако поведала священнику о том, каким образом получила его.

А потом в праздник святого мученика Кириака (*8 августа*) ангел, вернувшись, по обыкновению отвёл её полюбоваться раем и, укорив её за пренебрежение прутком, со всей явственностью показал ей его достоинство и дерево, от которого он отломил оный. Затем, придя в себя, она по порядку изложила духовнику своему узнанное от ангела, поскорбев, что велела так обстругать оный [прут]. Когда же слух о сем благоуханном пруте распространился в народе и многие пожелали его увидеть да потрогать, а стыдливая дева страдала по причине сих частых посещений, случилось так, что от прикосновения некоего человека (*все сообщают, что он был распутником. – прим. англ. пер.*), вышеупомянутый прут лишился аромата сладчайшего благоухания. И оттого дева скорбела, что сие сообщили тому, из-за чьего касания иссяк небесный аромат. Но говаривала она обычно, что (как узнала она от святого ангела) сим прутком можно побивать диавола (*в итоге сей прут стал с успехом использоваться при актах изгнания бесов из одержимых. – прим. англ. пер.*).

ГЛАВА VI. О ТОМ, КАК АНГЕЛЬСКОЕ СИЯНИЕ ИСЧЕЗЛО ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО НЕКТО ИНОЙ ПРЯТАЛСЯ В КАМОРКЕ ЕЁ

Как-то в другой раз родственник сей девы именем Николай вместе с духовником её зашёл к ней в гости; и после обычной беседы скромная дева сообщила им, что охотно бы уединилась на два или три часа в своей каморке. Итак, она попросила их выйти погулять на какое-то время, уповая, что, внутренне сосредоточившись в их отсутствие, она обретёт некую особую благодать. Особенно же упрашивала она Николая не возвращаться раньше, чем через два или три часа. А когда он поступил так, как его просили, духовник девы без её ведома тайком проник в её каморку. Дева же, думая, что она осталась в комнате наедине с собою, тут же стала готовиться воспринять благодать Небесного Жениха, стуча во внутренне [покои] неба. И вот, когда миновало почти полчаса после полудня, вошёл к ней ангел Господень, облетел место, где она, больная, лежала в постели, но ближе к ней не подступил. Дева же, видя, что невозможно ей усладиться радостью присутствия его, встревожилась и горько заплакала. Итак, спросила она ангела, не оскорблён ли Господь каким-нибудь прегрешением её, из-за чего не удостоилась благодати сей. Но он, отвечая, молвил: «Никоим образом, но [сие случилось] из-за присутствия того, кто тайно сидит в каморке твоей и пытается изведать да испытать уготованную тебе благодать».

Сказав сие, ангел отошёл от неё. Тогда дева, лишённая столь блаженного утешения, крепче опечалилась и зарыдала ещё более горько оттого, что на этот раз не испытает восхищения духа, хотя часто прежде удостаивалась милости ангельского посещения. И вот, духовник её, услышав, как горестно она плачет, встав, сообщил ей, что он тут. Услышав сие, она смутилась ещё больше, чем если бы это был другой; ведь она достаточно часто рассказывала ему о своей жизни, так что он мог бы не разведывая поверить, что в ней действует благодать Божия. Когда же она оправилась от сего смятения и обрела спокойствие, любящий и милосердный Бог поступил, как прежде часто поступал: вознёс её потом в исступлении над нею самой. Тогда исполнилось над нею сказанное псалмопевцем: «Ты обратил сетование мое в ликование, снял с меня вретиче и препоясал меня веселием» (Пс. 29:12).

ГЛАВА VII. О ВОСХИЩЕНИИ ЕЁ В МЕСТА ЧИСТИЛИЩНЫЕ И К РАДОСТЯМ РАЙСКИМ, ОТКУДА ПРИНЕСЛА ОНА ВЕНОК, ПОДАРЕННЫЙ ЕЙ ПРЕСВЯТОЮ ДЕВОЙ

Восхищена она потом была, вознесшись духом, в места чистилищные, где среди прочих, терпящих тяжкие и многообразные страдания, увидела также наказуемые души друзей своих, после чего сурово сокрушала тело своё ради их избавления и облегчения. И вот, после обозрения сих мест чистилищных и многочисленных мест мучения, где души прискорбно страдают за различные прегрешения, была она по милости Божией переведена к созерцанию радостей жизни вечной. Где воочию (*sane*) видела, как всемогущий Бог в Самом Себе приемлет славу Свою, согласно речению: «Я первый и последний (*ср. Ис. 44:6*), и не дам славы Моей иному (*Ис. 42:8*)»; видела также, как святые мученики, исповедники, пророки, девы и прочие чины блаженных приемлют славу свою в самих себе и благодаря изобилию отрады друг через друга ею взаимно наполняются. Когда же обозрела она сии радости, многие святые, заговорив с нею, стали нежно её утешать и, побуждая к терпению, говорили так: «Разве ныне здесь сущих гнетёт и тревожит что-нибудь из тех многих невзгод, что они перенесли в мире ради Христа?» Тут подступила к ней Пресвятая Дева Мария в славе великой и, обратившись к ней с дружелюбною речью, спросила её: «Почему, возлюбленнейшая дочь, пришла ты с обнажённою главою и не украшенною?» Тогда сия дева ответствовала: «Возлюбленнейшая Владычица Дева Мария, на то воля Господа моего и Бога, и в таком виде привёл меня провожатый мой». И вот, после долгой задушевной беседы Богородицы с сей девой, когда подошло ей время вернуться к телесным чувствам, сие ей Мать Христова молвила слово: «Возлюбленнейшая дочь, мужайся, и да укрепляется сердце твое (*Пс. 26:14*) в терпении скорбей, ибо за нынешние страдания свои ты обретёшь дивную и великую славу». И продолжила Пресвятая Дева, вопросив её: «Не хочешь ли венок на голову свою?» Та ответствовала: «У меня здесь собственной воли быть не может». Когда же взглянула она на своего ангела-проводящего, и он ей, отказавшейся от воли своей, дал согласие на то, чтобы она приняла [венки], Пресвятая Дева молвила: «Прими на главу свою сей венок, который на земле может пребыть лишь семь часов. Да передай оный в руки духовника своего и скажи ему, что это Я требую от него, дабы уверовал в дар всемогущего Сына Моего и поместил сей венок на главу изваянию Моему, что находится в церкви». И вот, после завершения сего, вернулась дева-созерцательница (*virgo theorica*) к телесным чувствам, от всей души благодаря Господа за столь умирительное утешение. И хотя она была в неведении, что получила таковой венок телесно, однако, когда случайно или по настоятельной необходимости положила руку на голову, то стащила цветочный венок, в коем узнала благодаря сладчайшему аромату тот, что был возложен на неё рукою Пресвятой

Девы; и сохраняла она его у себя почти семь часов после своего возвращения. Был же сей венок голубого и ярко-жёлтого цвета, да складчатый (взор человеческий не видывал доселе такого), и исходил от него на диво нежный аромат – потому-то и удерживала Лидвина при себе столь прекрасный и яркий венок столь долго, сколько могла.

И вот, перед окончанием седьмого часа повелела она разбудить духовника своего, чтобы он спешно пришёл к ней, ибо она имеет поведать ему нечто тайное. Он же, придя, спросил, чего ей угодно. А дева ему ответствовала, что участвовала она в некоем празднестве и что передала ей Пресвятая Дева Мария сей венок, дабы доставила она его на землю и вручила ему, дабы уверовал он в дары Божии и по приказанию Пресвятой Девы взял сей венок в руки, вошёл утром в церковь (в ту пору – сгоревшую) да возложил его на главу изваяния Пресвятой Марии. Когда же духовник спросил, как ему войти в церковь, коли день ещё не настал, и она закрыта, Лидвина ответила ему: «Ступай побыстрее и проси ризничего открыть тебе церковь, ибо настаёт время, когда сему венку подобает возвратиться туда, откуда я его принесла». Тогда он ей: «Как я положу венок на главу изваяния, которое размещено так высоко?» Дева в ответ: «В главном хоре, в таком-то месте ты найдёшь лестницу; взяв её, поднимись и возложи венок на главу изваяния Пресвятой Девы». Тогда он, получив таковой приказ, вышел; попросил сторожа поскорее встать и открыть церковь. Когда тот охотно исполнил сие, духовник девы, найдя в указанном месте лестницу, отнёс её к изваянию и поднялся. Сторож ему: «Что вы там собираетесь делать?» Священник в ответ: «Что я делаю, ты не можешь теперь понять, но, даст Бог, потом поймёшь (*ср. Ин. 13:36*)». Пренебрегши сим ответом (поскольку неведома была ему тайна), сторож тут же ушёл. Ну а верный духовник исполнил пожелание девы и, поместив венок на главу священного изваяния, он вернул лестницу на первоначальное место. И вот, когда он коленопреклонённо помолился перед изваянием и благоговейно поклонился, исполнив все полученные приказания, тогда, прежде, чем он вышел из церкви, ангел Господень сей цветочный венок вернул на своё место, откуда его прежде принесла благочестивая дева. Так она потом рассказывала вышеупомянутой вдове Катарине.

ГЛАВА VIII. О РОСКОШНОМ ВЕНЦЕ, УГОТОВАННОМ ЕЙ ЗА ОСКОРБЛЕНИЯ И РАНЫ, НАНЕСЁННЫЕ ПИКАРДИЙЦАМИ

В другой же раз в восхищении духа увидела она уготованный ей весьма роскошный венец, который ей предстояло принять от Господа после трудов и скорбей земной жизни, однако в нём было видно ещё много несовершенств. И вот, придя в себя, Лидвина, памятуя преуказанный венец, молила она Господа с великой настойчивостью, чтобы по милости своей Он соизволил так поступить с нею, дабы венец оный мог быть доведён до совершенства. И в то же время она просила у Господа, чтобы ради следования (*imitandum*) по стопам Его, Он допустил её к Себе, а после допуска изгнал её пинками. Пока она выпрашивала сие часто и с величайшим рвением, случилось в год Господень 1425-й так, что Филипп (*III «Добрый», 1396-1467 гг. – прим. пер.*), герцог Бургундский с великим войском пикардийцев и прочих воинов вступил в Голландию, чтобы принудить города принять его государем и правителем страны. И так, когда сей могущественнейший герцог был уже с почестями принят во многих городах, прибыл он, наконец, к празднику святых мучеников Гереона и Виктора (*10 окт.*) в город Схидам, где был так же встречен гражданами. И вот, несколько, как говорят, врачей и хирургов из свиты вышеназванного герцога, отобедав, пришли к о. Иоанну Ангельсу, кюре [городской] церкви, и попросили проводить их к дому сей девы. Не заподозрив ничего дурного, он исполнил их

просьбу. Когда же он вошёл с ними к деде, последовали туда и слуги их необузданного нрава, а когда он попытался унять их буйство, дабы не беспокоили они служительницу Божию, они стали с негодованием прогонять его и велели убираться восвояси, осыпая его гнусными наёмками на взаимоотношения с нею. Однако кюре остался стоять в её каморке подле алтаря, крайне опечаленный и смущённый. А сии извращенцы, как приметили её, лежавшую в темноте, отодвинули занавеску, зажгли свечу и, сняв одеяло, коим страдавшая водянкой дева была накрыта, совершенно обнажили святую, не имея, увы, ни к Богу почтения, ни к ангелам, ни к присутствующим людям. Когда сие увидела племянница её Петронилла, молоденькая девушка, данная деде в услужение, то восприняла это крайне болезненно и, воспылав ревностью по Боге, мужественно бросилась на них, стремясь защитить девичью стыдливость Лидвины. Ведь она рассудила, что не подобает очам плотских людей наблюдать сокровенную Христову жемчужину обнажённую. Тогда оные злобные служаки, позабыв о приличиях, сию юницу непочтительно схватили и отбросили от себя, а она ударилась о приалтарную скамеечку, да так крепко, что жутчайшим образом повредив бедро, хромала потом до самой смерти. Но, не довольствуясь свершениями сих злодейств насилия, они устремились к ещё более тяжким и преступным. Ибо дерзнули они святую и незапятнанную назвать блудодейкой; несли вздор, будто трезвенница, обходившаяся без еды, по ночам предаётся пиршествам; ту, которую даже ангел-хранитель часто переносил и сопровождал в рай, один из них, что держал светильник, обозвал скотиной. К таковому множеству хульных слов, высказанных ими, нечестивцы присовокупили постыдные действия, ужасающие взор человеческий. Ибо, вовсе отбросив приличия, они немощную, страдавшую водянкой деву, кожа которой на поверхности весьма вздулась, грязными руками своими лапали и били, поранив в трёх местах, из коих так обильно истекла кровь, что пришлось её, свежепролитую, вычерпывать из постели ковшом. Нагло совершив сие преступление, они вышли, смыли с рук своих кровь, которую пролили, и, вернувшись, вместо извинений, коих им должно было просить, снова распустили языки свои злоречивые на хульные слова. И так исполнилось на сей деде то, что Господь сказал ученикам: «Если Меня гнали, будут гнать и вас (*Ин. 15:20*), и если хозяина дома называли веельзевулом, не тем ли более домашних его? (*Мф. 10:25*)». В то время дева, подобная невинной овечке, лёжа в постели, облитая собственной кровью, готовая к заклятию, терпеливо всё сие сносила ради Христа, кротко ответствуя бранившим и ранившим её сими словами: «Как не боитесь вы так дурно толковать свершившиеся на мне дела Божества, не зная, каков будет над вами грядущий суд Божий?» В тот же час, как отбыл герцог, последовали за ним и оные нападчики. Руководители же города, услышав, какие неслыханные обиды как бы ради развлечения были злодеями нагло нанесены деде, грозилась, что намерены пожаловаться герцогу, чтобы он совершителям такового преступления исполнил справедливое отмщение. Тогда дева, кроткая и терпеливая в превратностях, памятуя речение Господне: «Мне отмщение и Я воздам» (*ср. Рим. 12:19*), напроць воспретила просить об исполнении человеческого отмщения, поскольку Бог скоро отмстит за сие оскорбление. Что по изволению Божию вскоре и свершилось, ибо все они той же зимой поумирали в разных местах. Причём один из них, тот, который держал светильник и осыпал деву бранью, сев близ порта Роттердам на корабль, был сброшен князем тьмы, словно бы крепким порывом ветра, из одной части судна в другую, откуда его извлекли со сломанной шеей, мёртвого, и похоронили на кладбище. Второй близ Зерикса сошёл с ума, и, чтобы он не изувечил окружающих, его сбросили с корабля в челнок, а подняв мёртвым, похоронили в городе. Третий – солдат – был ранен на войне и скончался. Четвёртый, называвшийся врачом, перенёс в Слусе апоплексический удар и онемел. После чего, когда слуга напомнил ему о том, как он вместе с другими

поступил с девой, и спросил, не скорбит ли он о сем, тот в ответ выказав прикосновением руки и движением губ раскаяние, почил. Слуга же его затем, придя к деде, со слезами просил прощения за господина и получил оное. И рыдала дева святая долгое время, услышав о сем, не свои раны оплакивая, но погибель [своих обидчиков] и свершённые ими преступления. А руководителям города, стоявшим рядом, она, прорицая будущее, молвила: «Я-то ныне претерпела сие, а вам грозит кара, которой вы не знаете». И невдолге после того, когда некоторые из них, будучи обвинены как предатели города, боялись подвергнуться смертной казни от герцога, тогда сказали: «Вот и та кара, которую нам предсказывала Лидия». Затем святой ангел Господень, явившись ей и назвав её сестрою, поведал, что благодаря бесстыдному оному насилию, совершённого пикардийцами, последовала она по стопам Христа, как и просила прежде; а благодаря бранным словам, услышанным от них, последние жемчужины дополнили её венец, и он теперь совершенен.

ГЛАВА IX. О ДОЛГОТЕРПЕНИИ И СМЕРТИ ПЕТРОНИЛЛЫ, ПЛЕМЯННИЦЫ СЕЙ ДЕВЫ

Подобает теперь рассказать нечто и о девице Петронилле, племяннице сей святой девы. Итак, сия юница лет примерно семнадцати, была дочерью брата девы Лидии, всегда любила и хранила целомудрие, денно и ночью ухаживая за тётёй своей в столь тяжких тяготах затяжной болезни. Будучи по плоти роднёй, по духу – сестрой, по обязанностям – служанка, сия дева избрала [себе делом] служить деде и с непорочной заботой преблагостно смягчать муки недуга. Во время нападения (persecutione) пикардийцев, которые святую Лидию, угодницу Божию, коей предстояло обрести венец вящей славы, тягчайше изранили, Петронилла изо всех сил стала, как было сказано выше, на защиту немощной тётёи, дабы не оскорбили они невинную. Ибо весьма сострадала она оскорбляемой и, выслушав множество тяжких поношений и угроз, понесла и стерпела от пикардийцев даже телесные увечья, такие, что от них она, долго проболев, приняла смерть. За несколько дней до её кончины дева Лидия, пребывая в великом беспокойстве, а после нападения сделавшись ещё ревностнее по Богу, увидела как истинное предзнаменование будущего следующее видение. Ибо же как-то ночью, пребывая в исступлении духа, она увидела торжественное шествие небожителей, в коем разные чины шествовали по отдельности; то есть вместе патриархи, вместе пророки, апостолы – с апостолами, но и мученики, исповедники, а также девы, священники и клирики – все сверкали в чине и достоинстве звания своего. А шествовали они из городской церкви Схидама, неся впереди, как обычно, кресты и светочи, сияющие ярче солнца; и дошли до дверей дома Лидвины, где, взяв труп, отнесли его в церковь. Сама же дева следовала за трупом с дарованными ей венцами, один из которых несла на голове, а остальные держала в обеих руках. И вот, придя в себя, она предположила, что сие видение предзнаменует её собственную смерть, однако в итоге сказала, что сие означает смерть её племянницы Петрониллы. Поэтому дева Христова, беспокоясь о кончине племянницы своей, настоятельно молила Господа, чтобы Он так распорядился приступами лихорадки её, чтобы она могла поговорить с Петрониллой перед уходом её и утешить, ибо была весьма привязана к ней искренней любовью. Внимая мольбам её и воздыханиям, а также смилостившись над умирающей, Господь отложил время ежедневного приступа её лихорадки почти на шесть часов к немалому удивлению множества присутствующих, и вот, когда умерился лихорадочный жар, она получила возможность говорить и утешать Петрониллу, которой вскоре предстояло преставиться от скорбей мира сего ко Христу. Итак, прияв от святой девы божественное утешение, дева Петронилла, испытанная многими мучениями, кои она поделила с Лидией, страдавшей при жизни,

удостоилась стать сопричастницей её утешения при смерти. И вот, после преждеописанного видения, благодарно приняв утешение от возлюбленной тётки, почила благочестивая Христова дева Петронилла и в чертоги небесные вступила в год Господень 1426-й, в девятнадцатый день до февральских календ, в праздник святого мученика Понтиана (14 янв.).

ГЛАВА X. ОБ ОТЪЯТИИ БОЖЕСТВЕННОГО УТЕШЕНИЯ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ДЕВОЙ ИЗ-ЗА ПЕЧАЛИ О ПОКОЙНОЙ ПЛЕМЯННИЦЕ

И вот, после смерти возлюбленной горлицы, девицы Петрониллы, сама святая дева Лидвина, лишённая общества столь верной и крайне необходимой помощницы, впала в пагубную печаль, чрезвычайно скорбя о потере сердечнейшей любимицы своей Петрониллы, с которой вместе они блюли обет нерушимого целомудрия, будучи связаны взаимной любовью. Ибо, любя друг друга во Христе, они были так дружны (сопехае) и так мирно жили, что без тягостного огорчения не могли разлучаться друг с другом. Однако сия горячая привязанность, выходявшая за пределы разумного, настолько оказалась негодна Господу, что в наказание за неподобающую печаль скорбная дева не имела божественного утешения аж до праздника Посещения Пресвятой Девы Марии (2 июля). И вот, плакала она в величайшей горечи не только о похищенной смертью племяннице, но более – о потере привычной благодати, отнятой у неё за неумеренную печаль. На расспросы же о причине оных слёз она так отвечала друзьям: «Как же мне не плакать, возлюбленные? Вот уж близ одиннадцати лет чего бы ни просила я у Господа, легко обретала, но ныне на протяжении столь долгого времени я не получаю отнюдь никакого утешения по тайному и праведному приговору Божию, справедливо вынесенному мне». О страшное и неисследимое распоряжение Божие в определениях о сынах человеческих! (ср. Пс. 65:5. – пер. П. Юнгерова). Он превратил море в сушу (Пс. 65:6), а розы цветущие – в полынь; и справа перелажает налево, смиряя вознёсшегося до земли (ср. Вульг. Ис. 26:5). Если же Господь так сурово бичевал любимую Им деву за то, что слишком настойчиво оплакивала она потерю верной племянницы, то сколь тягчайшее надлежит понести наказание тем, кто попусту плачет о плотских друзьях и товарищах мирских. Однако Отец милосердия и Бог всяческого утешения не забыл слёз служительницы Своей, которую избрал от вечности, но после горчайшей печали возвратил ей сладчайшее утешение Святого Духа, кое часто испытывала она в прежние времена. И вот дева, до времени покинутая и по-отечески наказанная, в праздник Посещения Пресвятой Девы Марии обрела дивное и преизобильное утешение благодати Божией: она провела девять или почти десять дней в непрерывном созерцании и вкушении божественных [явлений], а также ликовании духа; и таковой оказалась она исполнена сладостью внутри, что приходившие к ней дивились, обоняя вовне дух сладчайшего аромата. Когда же многие стали спрашивать, откуда исходит столь сладостный аромат, она (хоть из смирения предпочла бы скорее умолчать о сих тайнах, нежели выдать их), побеждённая в итоге их настоятельными мольбами – ведь Господь явственными знаменами открыл это вовне, – ответила, что благодать сего несравненного аромата пришла из небесных хранилищ (apothecis), удостоившись посетить кои ныне, она, как не раз прежде, принесла его с собою.

Подобным образом за несколько лет до того, когда почил брат её Вильгельм Питерс, впала она в великую печаль, и настолько ужасная охватила её скорбь, что, как она говорила, даже не ведомо было ей доселе, сколько ещё оставалось в ней человеческих чувств (humana). По каковой причине и лишена была обычного своего окормления божественным созерцанием, как было открыто некоему благоговейному

отшельнику в краю Египетском – тому, который по её совету решительно отправился в пустыню. О его-то святом подвижничестве (conversazione), хорошо начатом и превосходно завершённом, мы на радость слушателям поведаем в нижеследующей главе.

ГЛАВА XI. О БЛАГОЧЕСТИВОМ ЮНОШЕ ГЕРАРДЕ И О ПАЛОМНИКАХ, ПОСЕЩАВШИХ ЕГО

Был некий юноша, Герард по имени, родом из Кельнской епархии, томимый желанием отшельнического жития. Прослышав молву о сей святой деве, он решил сперва пойти к ней и, лично изложив своё намерение, вверить себя, ступающего на крутой путь, её молитвам, чтобы содействием благодати Божией смог он зародившееся в уме его решение исполнить со спасительным долготерпением. И придя к ней, он поведал ей тайны своего сердца. Она же, искренне сорадуясь решению его, в духе пророческом предсказала, что в первые три дня после ухода его в пустыню он будет терпеть нужду, а затем, призвав его к стойкости, [пообещала, что] по окончании дня третьего примет он подкрепление от Бога. Что, собственно, потом так и случилось по порядку. Ибо на третий день, когда свечерело, он обрёл небесную манну, ибо Бог смилостивился над ним, [проходящим] многотрудную стезю. Предсказанные же ему девою три дня он так стойко провёл потому, что был готов ради её обещания продержаться оные даже при угрозе для жизни.

Итак, после совместной беседы, обещаний молиться друг за друга и братски любить сей новобранец, направляясь на битвы новой [для него] войны, ушёл от лица девы, получив подробные наставления, дабы никогда более не видеть родины и родных. И вот, пройдя верхние пределы, он вступил в Верхний Египет, где, углубившись в пустыню, нашёл келейку, расположенную для защиты от волков и хищных зверей в дереве. И привёл он с собой двоих товарищей, призванных благодатью к такому же пустынноческому подвигу, которые, проведя там несколько дней, увя, вернулись к прежнему. Но Герард, крепчайше держась принятого обета, восходил под водительством Христовым к вершинам созерцания. Итак, прожил он в сей обширной пустыни почти семнадцать лет, а между тем случилось так, что прибыл из пределов Английских, дабы повидать достопримечательности Святой Земли, некий епископ с двумя спутниками, который затем вместе с ними с намерением посетить мощи святой Катерины, девы и мученицы, добрался до горы Синай. Единодушные в своём благочестии, они, памятуя о подвигах святых отцов в Египте, вступили в оную страну, намереваясь поискать, не найдутся ли там ещё отцы-пустынножители. Когда же, блуждая там-сям, они дошли аж до верхних её пределов, то обнаружили некую келейку, сооружённую на дереве невысоко над землёю. Постучали они в двери келейки и, когда им отворили, увидели во дверях человека с ликом ангельским, но телом притом столь дебелого, что можно было подумать, будто он не в пустыне подвизался, а среди яств мирских окормлялся. Во время продолжительной дружелюбной беседы они узнали от сего пустытника, что он уже более двадцати лет не видал человека. В ответ же на вопрос, чем живёт, он сказал, что питается только благодатью Божией. Ибо он обычно собирает и вкушает небесную манну, которой некогда кормились сыны Израилевы в пустыне: она выпадает свыше на его келейку, и он, воздав благодарение, вкушает её. Спросили они его также, не найдутся ль ныне и другие люди, что живут, как он, без человеческой пищи, на что он ответил так: «В пределах Голландских, в городе Схидаме есть некая дева, много лет смиряемая различными недугами, ниспосылаемыми свыше. Она никакой телесной пищи не принимает. Она достигла аж такой вершины совершенства, что стократно превосходит меня святостью жизни и высотой созерцания. Посему-то изрядно и

удивляюсь я, что ничего не известно мне о её преставлении – случилось ли оно? Что-то давно не видал я её на лестнице созерцания, хотя прежде мы обычно часто одновременно бывали восхищаемы к небесным тайнам, каждый по своей лестнице. Притом она всегда возвышалась надо мной как достоинством жития, так и глубиной созерцания». Затем благоговейный оный пустынный попросил вышеназванных паломников, чтобы прежде возвращения в свои края навести они сию деву в Голландии и задали ей от его лица три следующих вопроса. Во-первых, сколько лет он провёл в уединении? Во-вторых, сколько лет ему было, когда он вступил в пустыню? В-третьих, что случилось с нею, по какой причине он не видел её в обычном своём созерцании? Затем паломники, получив великое утешение и наставление, попрощались с пустынным и вернулись в Голландию и Схидам. Вселившись же в городскую гостиницу, попросили они гостиничника своего отвести их к дому девы. Оказавшись с нею наедине, они поведали о причине своего приезда и описали пустытника, который их послал, попросив ответить на представленные ей вопросы. А она, из смирения предпочитая скорее утаиться, нежели открыто ответить на вопросы, дала вопрошающим о времени пребывания пустытника в уединении лишь таковой ответ: «Как я могу знать? Господу – вот кому то ведомо». Тогда они, как бы упрекая, стали корить её, зачем, мол, она пытается скрыть истину, ведь они спрашивают о сем не от себя, но от лица пустытника. И ответила она, что провёл он в уединении почти семнадцать лет. На второй же вопрос молвила, что было ему тогда девятнадцать лет. Ну а на третий ответила, что, живя среди людей, она всячески запятналась, а он, от людей отделившись и жительствуя среди ангелов, сохранил беспорочную чистоту. «Потому-то не удивительно, коли он в высоте созерцания меня превзошёл». Сообщают также, что тот пустынный приписал отъятие благодати у девы тому, что она обычно слишком скорбела о смерти родных. Это случилось при кончине её брата, который скончался в Схидаме примерно в то время, когда пустынный поведал вышесказанное паломникам в Египте.

А сей блаженной памяти пустынный благочестный, в совершенстве презревший земное и высоко созерцавший небесные тайны, скончался в год от Воплощения Господня тысяча четыреста двадцать шестой, в двенадцатый день месяца октября. Его кончина и преставление в славу было открыто святой деве в видении. Ибо же, будучи восхищена в рай в час преставления его, она видела, как ангелы несли в рай его дух, совлекшийся плоти, и омывали в источнике столь прозрачном, что она, как ей казалось, могла прозреть его на глубину более мили.

ГЛАВА XII. О БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЕ О. ВЕРМБОЛЬДА, ПРЕСВИТЕРА, ВЕРНОГО ДРУГА СЕЙ ДЕВЫ

Наряду со многими благочестивыми отцами и изведав духовной благодати мужами был в городе Утрехте во времена досточтимого владыки епископа Фредерика некий священник чистой жизни и ревнитель о душах по имени Вермбольд, любезный Богу и людям. Был он чрезвычайно широко известен многим набожным людям в епархии Утрехта и в пределах Голландских. Он происходил родом из некоей голландской деревни близ Гауды, а в течение многих лет славно подвизался ректором и духовником сестёр Третьего Ордена при [обители] св. Цецилии в Утрехте. Будучи весьма сведущ в Божественных Писаниях, он часто проповедовал в церкви слово Божие, а также, усердно предаваясь молениям и благочестивым размышлениям, за чистоту свою сердечную многократно удостаивался также утешений и откровений свыше. И довелось святой деве Лидвине узнать столь знаменитого отца не по человеческому указанию, но откровением Божиим, когда она жила ещё нищенски в своей малой хижине. Когда же в праздник Благовещения Господня достопамятная

дева, едва завершилась половинная часть недуга её, восхищена была к небесным созерцаниям, случилось также, что и преблагоговейный Христов священник Вермбольд в тот же час возведён был к лицезрению небесного, и благодаря сему общему и единообразному созерцанию стали они оба друг другу знакомы, хотя прежде знакомства не водили. Сего ради оный досточтимый отец, побуждаемый чувством благоговейной приязни, возжелал предуведанную в духе служительницу Божию узреть также телесными очами и познакомиться с нею. Итак, придя в её домишко, где она лежала недужная, и увидев, какими она угнетена несчастьями, словно евангельский самарянин, сжалился над нею (ср. Лк. 10:33) и был ранен в сердце стрелой сострадания. И не мешкая, после святого собеседования о Боге, он простёр руку к делам милосердия. И в первую же очередь он дал ей около 30 фламандских гроотов на покупку двух смен постельного белья. Затем священник, воспламеняемый Духом Божиим, вошёл в церковь и, поднявшись на амвон, произнёс слово к народу, в коем бичевал их, как они того заслуживали, суровыми упрёками за скупость и безжалостность, ибо не помогали они немощному созданию Божию, оказавшемуся в таковой нужде и скорби. И поделом так сурово глаголал красноречивый священник в ревности Божией, ибо испытанная добродетель обличает безумных (ср. Вульг. Прем. 1:3). Однако после этого многие, по вдохновению Божию склонившись к милосердию, благодетельствовали, с сердечной щедростью давая милостыню святой деве.

И вот, досточтимый отец наряду с прочими исполненными любви собеседованиями с девой, проболевшей в то время примерно половину срока недуга своего, стал говаривать ей, что перед Пасхой ему неким образом было открыто, будто бы он после сей Пасхи преставится из сего мира к Отцу. Ну а дева сказала в ответ, что придётся ему обождать до предстоящей Пятидесятницы и что ему предстоит снова навестить её после Пасхи. А насколько сие речение было верно, то подтвердили итоговые события. Ибо он скончался вскоре после этого разговора в год Господень 1413-й в канун Пятидесятницы в 12-м часу ночи, в третий день до июньских ид, когда справляется праздник святого апостола Варнавы (11 июня). Почив же, благочестивый и милосердный отец Вермбольд, был почти на девять дней удалён от лицезрения славы Божией, как было свыше открыто сей деве. Когда же оный досточтимый отец перед смертью своей разговаривал с девой, отечески утешая её, а она некоторым образом жаловалась на то, что её изрядно отягчает длительность её недугов, священник в ответ увещевал её претерпеть более и как бы пророчествовал, что ей ещё предстоит принять вящие страдания, ибо, вероятно, прошла едва лишь половина срока мучений её. И случилось сие так, как он провозвестил. Ибо же, по словам его, она заложила в небесах весьма широкое и обширное основание, и возводимое над ним строение не может быть завершено быстро. Прожила же дева после кончины сего достолюбезного отца двадцать лет в скорбях великих и муках многих, что были предвещены ей. Однако Бог утешал и укреплял её частыми восхищениями посредством вдохновений Святого Духа и посещений небожителей (civium supernorum).

ГЛАВА XIII. О РАЗЛИЧНЫХ ВОСХИЩЕНИЯХ ЕЁ И О ТОМ, КАК ОНА УЗНАВАЛА ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕКОТОРЫХ ИНОКОВ

Итак, дева сия, немощная телом и ревностная духом, чрезвычайно часто была восхищаема в экстазе посредством исступления ума, причём восхищение её не было «в редкий час и на краткое время» (*rara hora et brevis mora*, – выражение, приписываемое Бернарду Клервоскому и популярное в Нидерландах. – прим. пер.). Как-то раз некий инок расспрашивал её об обстоятельствах её жизни и о том, как

претерпевает она мучения свои. Она же ответила ему, что страдает она совершенно за пределами и свыше сил, что если бы милостивый Господь не дал ей опереться на костыль утешений, она вероятней всего изнемогла бы под бременем скорбей. Ибо же, по её словам, от избытка милости Божией почти всякую ночь на довольно долгий промежуток времени – час и более – она испытывала восхищение к небесным созерцаниям, радости коих настолько укрепляли её, что сколь угодно горькие муки становились для неё не только терпимы, но даже приятны. Восхищаема она бывала также в Чистилище и места адских мучений, дабы, поглядев на жуткие кары, терпеливее переносила бедствия земной жизни и, проникнувшись состраданием, охотно совершала покаяние за нуждающихся в избавлении. В таковых и иных блаженных восхищениях почти тридцать четыре года, пока она лежала на одре болезни, [Бог] посещал её и утешал духовно, ну а по определённым причинам, как было сказано выше, она лишалась божественных восхищений. Итак, многими деяниями Своими в неблагоприятных обстоятельствах Бог, испытывая, часто смирял её, а многократными посещениями возносил всё выше. А по причине сих восхищений она имела сведения о многих церквах и иноческих обителях, их месторасположении и устройстве; а также поимённо знала монашествующих особ, которых никогда не видала, и что было свыше им ниспосылаемо, неоднократно сообщала другим.

Однажды она сказала некоему приору, что его монастырь она знает, как он сам; и что ночами, когда братья спят, имеет обыкновение посещать dormitorio и видит при постелях братьев стоящих ангелов.

Был некий юноша, Генрих именем, родом из Гааги, городка в герцогстве Голландском. Прежде дева его никогда не видала. Он, вдохновлённый благодатью Божией, без ведома родителей своих испросил и получил одеяние святого иночества у картезианцев близ Диста в краях Брабантских. Отец его, Вильгельм по имени, не зная, что случилось с сыном, пришёл к деде, надеясь что-нибудь у неё узнать. Внезапно же дева назвала его по имени и прозвищу, вслух перед ним пожелала преуспевания сыну его и выразила своё сорадование о благах, ему Богом содеянных. Подивившись сему, он спросил о причине сего сорадования. А она, к изумлению его обратив к нему весёлую речь, ответствовала, что Генрих в вышеназванном монастыре облачился в одеяние святого иночества.

Был и другой инок из Дордрехта родом, но принявший уставные обеты в Эймстейне; он как-то раз с целью повидать деву безмолвно вошёл в её каморку, а она, обратившись к нему по его собственному имени, весьма любезно поприветствовала его. И хотя она, пожалуй, видала его прежде разок, в тот миг точно не видала его телесно. Даже он, ошеломлённый этим, спросил, откуда она его так хорошо знает, на что она в ответ простодушно молвила: «Господь даровал». Ныне довольно и сих двух примеров, кои брат Гуго, бывший субприор в Бриле, лично слышал из уст тех, с кем это приключилось, и выступает тому верным свидетелем.

ГЛАВА XIV. О ЯВЛЕНИИ ЕЙ ОСИЯННОГО АНГЕЛА И О ТОМ, КАК ОНА УЗНАВАЛА ЕГО

На сей превосходнейшей деде достославно исполнилось то, что говорил некогда Господь Моисею и сынам Израилевым при вступлении в Землю обетованную: «Вот, Я посылаю пред тобою Ангела Моего хранить тебя всегда, да будет он проводником в путешествии твоём (ср. Исх. 23:20)». Во многих книгах святых можно прочитать о явлениях ангелов, а ныне из свидетельств многих благочестивцев можно узнать о

том, как подобное происходило с сей бедняжкой Лидией. Ибо святой ангел посещал её чрезвычайно часто; он даже прикасался к ней, удостаивая своего общества и поддерживая своим предстательством; и она узнавала его в лицо, как бы друг – друга своего (ср. Исх. 33:11). Так же узнавала она и ангелов духовников своих и других близких своих, а также – многих посторонних. А являлся ей тот ангел в разнообразных обликах. Порой в виде прекраснейшего мужа – всегда, впрочем, с великим сиянием, то есть как ангел света, служитель и знаменосец Света вечного. Иногда же сияние его было таково, что если бы тысяча солнц сообща светили в о всю мощь, то не смогли бы сравняться с сим ангельским сиянием. Порой же [сияние] являлось меньшее, однако всегда впереди шествовало знамя креста Господня, дабы невзначай не обманул её ангел сатаны, который часто ей являлся, принимая вид ангела света (ср. 2 Кор. 11:14). Если же из-за множества посетителей она порой приходила в смущение или из-за присутствия или прикосновения кого-нибудь из нечестивых людей её чистота оказывалась омрачена, она лишалась вышеописанных ангельских посещений и божественных восхищений, дабы сия лёгкая провинность не задерживалась надолго на белоснежной сей агнице и не прошла безнаказанно. Порою ещё, когда совесть её обременяли некие духовные недостатки, ведомые лишь Богу и ангелам, она, взыскательно наказуемая за них, тоже ограждалась от привычных ей восхищений. В таких случаях она обычно, сокрушив себя в ступке сердца, исповедовалась святому ангелу-проводителю своему и, очистившись таким образом смиренной исповедью, поспешала вслед за ним туда, куда вёл он её. Притом ангел этот святой говорил ей, в чём следует исповедоваться ему, а в чём – духовнику, поскольку ежедневно исповедалась она в ежедневных проступках своих по оному слову псалмопевца: «Я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс. 31:5).

ГЛАВА XV. О ДИВНОМ ОБРАЗЕ ВНУТРЕННЕГО ВОЛНЕНИЯ ЕЁ ПЕРЕД ВОСХИЩЕНИЕМ ДУХА

При оном неизъяснимом для нас отделении, прежде чем святая дева оказывалась вне себя, она сначала чувствовала такую муку во внутренностях, в груди и сердце, что едва в силах была дышать, и казалось ей, что она умрёт. Однако позднее, когда сего рода восхищения духа стали часты и она к ним привыкла, то таких мук уже не испытывала. Когда же она восхищалась духом в вышеупомянутые места, тело её, словно бы мёртвое и бездыханное, пребывало на постели до того недвижимо, что если бы кто коснулся его, она не почувствовала бы. Нечто подобное описывается в житии святого Фомы Аквинского, поэтому никто да не усомнится в истинности необычайных явлений (*novitatis*), происходивших с сей девой, каковую Бог осчастливил неизреченными восхищениями её.

И вот, случилось при одном из восхищений так, что ангел, взяв её за руку, отвёл к алтарю в хоре схидамской церкви Пресвятой Девы. После же того, когда она там помолилась, благоговейно поприветствовав Пресвятую Деву, повёл её ангел на восток через прекрасные места, заросшие розами и лилиями, да цветами всякого рода, где были рассыпаны ароматы. И вот, когда она приблизилась к этим местам, ангел пригласил её вступить туда, но она, из благоговения перед ними не смела войти, дабы не потоптать ногами своими цветочных лугов. Наконец, вняв уверениям ангела, что она их не потопчет, Лидвина по увещанию его и приглашению вошла туда и следовала за ним всюду, куда он её вёл. Порою же оные цветы оказывались такой высоты и густоты, что она жаловалась ангелу, что не может пройти через них, и тогда он, также взяв её, как некогда пророка Аввакума, вмиг перенёс её через те цветы и надёжно поставил (см. Дан. 14:36) в том месте, к которому они направлялись.

ГЛАВА XVI. О ПРОРОЧЕСКОМ ДУХЕ ЕЁ, БЛАГОДАРЯ КОЕМУ МНОГИЕ ТАЙНЫ ОТКРЫЛА ОНА ДРУГИМ

Известно также, что сия дева знала многие тайны, как о живых, так и о покойных; причём о некоторых из них она ради пользы и утешения друзей рассказывала, а о многих смиренно умолчала. Ибо ведь считается, что она задолго предувела пожар в городе Схидаме, поэтому, прежде чем он случился, она велела стену дома своего сложить из колышков. А тем, кто спрашивал, зачем сие делается, говорила, что если произойдёт пожар, то, сдвинув колышки, её легко можно будет вытащить наружу и перенести через ров.

Итак, в год Господень 1428-й случилось так, что некие моряки из Схидама, собираясь отправиться на лов сельди, прямо в день святого епископа и исповедника Арнульфа тщательно подготовили великий прощальный пир для товарищей и друзей своих, впрочем, радуясь о благах настоящего и нисколько не страшась будущих бед. И вот, завершив пир, они закрыли горшком костёр близ тростниковой стены. Затем вдруг с наступлением одиннадцатого часа ночи понемногу разгорелся пожар, который, продолжаясь остаток ночи, так неистовствовал, что спалил почти весь город вместе с церковью и обителью инокинь рядом с церковью. Когда это произошло, многие жители одного города сочли, что сей великий пожар наверняка случился из-за грехов некоторых жителей, каковые наряду с прочими грехами проявляли непочтительность в вышеупомянутому изваянию Пресвятой Девы Марии. Среди них была женщина – мирская и распущенная, следовавшая вместе с распутниками широкими путями мирскими. После же смерти её некий священник, знакомец сей девы, просил её молиться за него, дабы он нечто наверняка узнал о об участи почившей женщины. А когда дева согласилась [на его просьбу и её] и исполнила, тот пресвитер, будучи восхищен в ночном видении в области преисподние, узрел, что вышеупомянутая женщина, связанная раскалённой цепью, удерживается в преисподней. О чём он и поведал сей деве с изумлением и скорбью.

ГЛАВА XVII. О НЕКОЕМ ПОКОЙНОМ РИЗНИЧЕМ И МНОГИХ ДРУГИХ ПОЧИВШИХ

В селении, издревле называемом Аудерсхи, был некий ризничий по имени Бальдевин, который, заболев, скончался в ночь на праздник Обращения святого Павла (25 янв.), причём имя его сей деве прежде было неизвестно. В ту же ночь дева, предаваясь молитве, была, как обычно, восхищена от чувств и, подойдя к некоей горе, увидела у её подошвы некоего человека, тогда ещё ей не знакомого, который хотел на гору взойти, но по немощи своей не мог и коего она, по его просьбе на плечи свои возложив, понесла вверх. Дивясь тяжеловесности его, она спросила, каковым именем он зовётся, на что отвечая, он молвил: «Бальдевин де Вельде». С наступлением утра о. Иоанн, духовник девы, войдя в каморку её, обнаружил, что она тяжело дышит, словно бы утомлённая великим трудом, и от изнурения едва в силах перевести дух. Итак, священник спросил о причине сего беспокойства и усталости, на что она по порядку изложила явленное ей в видении и назвала имя мужа, прежде ей незнакомого, что звался Бальдевин. Подивившись чему, оный священник вспомнил ризничего в Аудерсхи, звавшегося Бальдевин, но прозвище его было ему неизвестно. Через пару дней тот священник, придя в оное селение, чтобы совершить мессу, спросил некую женщину об обстоятельствах и прозвище того ризничего. Та назвала его прозвище, как оно было открыто деве, заявив также, что он почил в ту самую ночь, когда и дева его от подошвы горы перенесла на вершину.

Также в другой раз в обычном своём восхищении подошла она к некоей горе и увидела разных людей, блуждающих в различных направлениях; иных – у подошвы горы; иных – сидящих взобраться выше; а иных – кружащих в верхней части горы, притом, хоть они и пытались взойти на самую [вершину] горы, однако не могли, и не было у них помощников, что посодействовали бы им. И уразумела дева, что сие означает: ибо то были души почивших, нуждавшиеся в [молитвенном] заступничестве.

Когда же приближалось какое-нибудь из великих торжеств, то в течение нескольких дней перед оным праздником восхищаема она была в места чистилищные, дабы, увидев бедствия страдальцев, лишённых помощи, а себе не способных самостоятельно пособить, она усердно молилась Господу за тех, кто, истерзанный тяжчайшими муками, пытался взывать вместе с блаженным Иовом: «Помилуйте меня, помилуйте меня хотя бы вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня» (*Вульг. Иов. 19:21*). Придя же в себя, она ради их избавления охотно переносила свои ежедневные приступы лихорадки и с горчайшим плачем настойчиво умоляла Божественное милосердие, а когда снова в оные празднования бывала восхищаема, то, узнав об их искуплении, исполнялась такового ликования, что от радости едва могла сдерживаться. И хотя в прочие дни она весьма часто исторгала [из мук] весьма многих, однако в великие празднества по милости Божией – много более и в вящем количестве. И до того бурно скорбела она об их несчастьях да так часто их оплакивала, что по иссякании у неё обычных (*naturalibus*) слёз начинали течь слёзы кровавые, кои по прошествии времени затвердевали у неё на щеках, и духовник её, когда они, залитые обычными слезами, размягчались, соскребал их и, складывая в мешочек, хранил у себя в ларчике, а после её смерти, как она просила, переложил ей в могилу под изголовье.

ГЛАВА XVIII. О ЕЁ ОСТОРОЖНОСТИ И ОСМОТРИТЕЛЬНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ОТКРОВЕНИЙ ОБ УЧАСТИ ПОКОЙНЫХ

Весьма осторожна и осмотрительна была сия дева при разговорах об участии покойных, хотя тайны Божии оказывались ведомы ей чрезвычайно часто. А следующий пример, рассказанный ею, будет представлен в качестве предостережения людям неопытным, коих видения умерших часто вводят в заблуждение.

Итак, после смерти герцога Вильгельма, графа Голландского и Зеландского, в правление коего дева сия прославилась и долго болела, прозвучала в народе некая молва (и дошла до слуха графини Маргариты, жены уже покойного герцога), будто сия дева говорила, что он уже спасся. Слышала она также, будто сия дева три дня была мертва и вновь ожила. И вот, эта благородная и почтенная дама направила к ней одного из своих челядинцев разузнать об истинном положении дел. Итак, после того, как посланный к ней гонец задал оба вопроса, она на первый ответила так: «Если бы я была три дня мертва, схидамцы давно меня похоронили бы». На другой же вопрос, сочтя его нелепым, она дала примерно такой ответ: «Если он уже пребывает в жизни вечной, то Господь несправедлив со мной: ведь я семнадцать лет, обременённая тяжчайшими недугами, ни с кровати не вставала, ни на землю не ступала! Сего ради умоляю: не грешите по поводу меня». Таким образом, гонец, придя в неведение, вернулся от неё в ещё горшем недоумении. Однако обо многих покойных иноках она давала подчас более точные сообщения: что они спасены и вошли в радость Господа своего. О последних же временах и о приходе антихриста она обычно говорила, что не видит часа ни того, ни другого.

ГЛАВА XIX. ОБ ИСКУШЕНИИ НЕКОЕГО МУЖА, КОТОРЫЙ ИЗ ТЕНЕТ ДИАВОЛА БЫЛ СПАСЁН СОВЕТОМ ДЕВЫ

Некоего добродетельного гражданина и эшевена города Схидама тяжело искушал диавол, побуждая его наложить на себя насильственные руки: удавиться до смерти в петле. Однако имелся у него священник и капеллан добрый, Иоанн именем, Божией благодатью украшенный, который обычно служил перед ним мессу и молился за него. И всякий раз, как священник узнавал, что эшевен подвергается искушениям, ему едва удавалось уговорить его не учинять себе жуткой смерти. Но когда уже ни сам он сопротивляться натиску искушения не мог, ни духовник – удержать его от искушения повеситься в петле, священник, крайне боясь несчастья, пришёл к деве за советом и спросил, что ему делать с искушаемым. Тогда она, зная, что диавол не может вынести, когда ухищрения злобы его превращаются в орудия спасения, предложила пресвитеру, чтобы – если искушаемый не в силах противостоять дьявольскому искушению – он наложил на него в качестве епитимии то, к чему злобный враг наущал его на погибель. Услышав такое, духовник, боясь, как бы не послужило то причиной гибели искушаемого, не смел ему сказать, что ему посоветовала дева. Однако она, положившись на Бога, приказала ему уверенно действовать так с чистой совестью. Когда же однажды священник, улучив удобный случай, поступил, как советовала дева, искушаемый за то, что, наконец, удостоился обрести то, чего давно желал, коленопреклонённо благодарил. И, немедля возвратившись домой, он прикрепил верёвку к балке и, обернув вокруг шеи, взобрался на стул, чтобы, повесившись, удавиться. Но о дивное милосердие Божие и неизреченное провидение божественной милости, обратившее козни дьявольские ко спасению раба Своего ради послушания священника, внявшего совету девы Христовой! Ибо бесы, видя и негодуя (*videntes... et invidentes*), что он готов причинить себе таковую смерть, с силой вырвали повесившегося из петли, сказав: «Нет, так вы не повеситесь!» И, крепко разгневавшись, они повалили его и запихали за тыльную сторону некоего ларя – между стеной и ящиком. После чего домашние, проискав долго, почти через три часа, наконец, нашли его ко всеобщему удивлению; причём вытащить его удалось не иначе, как только убрав ящик. И после того он стал свободен от искушения.

ГЛАВА XX. О ЖЕНЩИНЕ, ЗАСТУПНИЧЕСТВОМ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ ИЗБАВЛЕННОЙ ИЗ БЕЗДНЫ ОТЧАЯНИЯ

В том же городе Схидаме была некая женщина, малодушная и боязливая, которую диавол едва не повергнул в пропасть отчаяния. Ибо же предъявлял он ей весьма часто во сне записку о некоем грехе, совершённом ею, якобы он и не прощён ещё свыше, и не простится; хотя она весьма часто исповедала его в таинстве, получила отпущение и исполнила наложенную епитимию. И вот, хотя она муки свои сердечные многократно открывала сей деве и та благожелательными утешениями успокаивала несчастную, однако не удалось Лидвине достигнуть в отношении той женщины желаемого, ибо князь смерти, как и прежде, смущал её во сне всегда новыми ужасами, говоря: «Никогда не удастся тебе избежать моих рук, ибо письмена оными подтверждается, что ты отдана мне во владение и под начало!» И случилось как-то раз так, что дева, предаваясь молитвам, была восхищена на небеса и увидела того самого беса, державшего в руке оную хартию. Но пресвятая Дева Мария рукой Своей насильно выхватила её из его руки и разорвала. Ибо сильна была Владычица милосердная разрушить все злоухищрения диавола и утешить печальную душу залогом благой надежды. Когда затем к деве вернулись телесные чувства, она

поведала о сем о. Иоанну Вальтерсу, своему духовнику, открыв, как дьявольские козни были разрушены милостью Пресвятой Девы. После сего вышеупомянутая женщина, как прежде, обратилась к деве с сетованиями на отчаяние своё, а она, ласково утешая её (умолчав, однако, об уничтожении хартии), предписала ей жить в дальнейшем спокойно и не страшиться, что ей приключится что-нибудь дурное, ибо она самое себя отдаёт в залог того, что совесть её в Судный день [будет чиста], и во всём полагается на милость Божию. [Итак], освободив женщину от всякого прежнего смятения, Лидвина отпустила её успокоенною.

ГЛАВА XXI. О ДАРЕ ВЕЛИКОГО СОКРУШЕНИЯ И ОБИЛЬНОГО ПРОЛИТИЯ СЛЁЗ ПРИ ПРИЧАЩЕНИИ ТЕЛА ХРИСТОВА

Ныне впору следует немного рассказать об отношении (*statu*) сей преблагоговейной девы ко святому причастию: как она благодаря вдохновению благодати Божией понемногу восходила к более высоким дарам, часто принимая Тайны драгоценного Тела Христова.

Итак, в ту пору, когда в состоянии сухости дева ещё не изведала духовного утешения и лежала без сил на одре пресуровых скорбей, был некий благочестивый священник – упоминавшийся о. Иоанн Пот, – который обычно причащал её дважды в год и первый обучил её размышлять о страстях Господних. И вот он, радея о спасении болящей девы, однажды, когда пришёл причастить её, взяв в руки свою святую и незапятнанную гостию, повелел ей с глубоким благоговением воззреть (*aspiceret*) и с любовью приять (*susciperet*) Того, Кого он держит в руках, зная наверняка, что Он есть Господь Бог, Создатель её, Который ради неё воплотился, страдал и умер, Который также за всякое мучение, от коего страдает она, преобильно ей воздаст и всякую скорбь утешит. Сии слова внезапно её пронзили и ранили, словно бы некими огненными стрелами любовными. И как поначалу она от скорби сердечной и нетерпеливости чувств не могла удержаться от слёз многих, так и ныне в течение примерно полумесяца или более была не в силах перестать плакать от великого сокрушения и любви Божией. Ибо же она скорбела и оплакивала слепоту прежнего небрежения и долговременную свою невосприимчивость, при которой она была столь нетерпелива и безрассудна, что ни от матери своей, ни от каких-либо людей не могла принять утешения, ни же причины слёз кому-нибудь поведать. Теперь же, с тех пор, как она приняла спасительные Тайны с великим сокрушением, стала она укрепляться частыми божественными утешениями, хотя ещё не исходила в восхищении к созерцанию. Однако и рассказывать вопрошавшим о причине своих слёз она не желала, дабы сокровенную манну, которой она вкусила, не потерять, но благодаря молчанию надёжнее сохранить в сердце. И принимала она по устройению Божию такого рода утешения почти восемь лет, прежде чем начались её исступлённые восхищения за пределы телесных чувств.

Итак, сими двумя помощниками, сиречь святым причащением Тела Христова и благоговейным размышлением о Страстях Господних, словно бы двумя руками любовно обнимала она Жениха своего Иисуса Христа, а посему могла дерзновенно сказать вместе с супругою в Песни любви, благодать неизреченной сладости коей она часто переживала на опыте: «Мирровый пучок - возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает» (*Песн. 1:12*). Ибо как мирра предохраняет тела умерших от тления, так и ежедневное сосредоточение на Страстях Христовых предохраняло её ум от нетерпеливости и ропота. И как хлеб вещественный хлеб укрепляет ядущего, так и приятие Тела Христова, питая дух её, давало ей жизнь и радость.

ГЛАВА XXII. О ЕЁ НЕНАСЫТНОМ ЖЕЛАНИИ ПРИЧАЩАТЬСЯ ЧАЩЕ И О ЯВЛЕНИИ РАСПЯТОГО МАЛЬЧИКА

Когда Спаситель наш Иисус Христос проповедовал Евангелие Царства Небесного, Он наряду со многими небесными словами, коим учил, изрёк сие всеспасительное слово веры о Тайнах Тела Своего: «Ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6:58), сиречь тот, кто ест Меня или только духовно, или также таинственно и духовно, тот наверняка и ныне будет жить в благодатной жизни, и в будущем воцарится со Мною в жизни вечной – ибо сие означает святое причастие Моих Тела и Крови. Какое верное обетование на сей деве несомненно исполнилось: Христос в величайшем благоволении сотворил чудеса Свои с нею. Ведь хотя почти всю первую половину времени своей болезни она вкушала еды весьма мало – превыше человеческих сил (*superhumano*), как написано в первой части сей книги, а сверх того и всё остальное время жизни своей не принимала совершенно никакой пищи и питья, однако отнюдь не могла сия святая служительница Божия воздержаться от сей дарующей жизнь пищи и животворных Тайн Тела Христова. Ибо чем более ослабевала она телом и менее вкушала телесной пищи, тем сильнее возрастало в ней желание небесного и божественного Хлеба, и посредством одного она укреплялась духом и внутренне жила более духовно. Посему в начале своей болезни она в течение трёх или четырёх лет имела обыкновение причащаться раз в год – на праздник Пасхи; потом же, с началом получения божественных утешений, в течение нескольких лет она принимала Христа дважды [в год]. После смерти матери настолько возросло её желание и стремление к причащению, что шесть или более раз [в год] вкушала она Тело Господне в полноте веры и с исключительным благоговением к несравненной утехе и поддержке души своей; и принимала бы его чаще, если бы не отказал ей в том кюре [местной] церкви. Ведь если она когда у него просила дать ей святое причастие Тела Христова, он приходил к ней неохотно и против желания своего, о чём она весьма скорбела. Ибо чем доле лежала она, болея, тем более телесно мучилась и слабела; а чем горше мучилась она телом, тем сильнее разгоралась любовью божественной; ну и чем горячее воспламенялась она любовью к Богу, тем обильнее действовала в ней благодать Бога Всемогущего.

После сего явилось пылающей желанием причащения деве некое чудесное видение. Ибо ей, лежавшей в постели, явился некий зримый образ распятого мальчика с пятью ранами, каковой вместе с этими самыми ранами обратился в освящённую (*sacramentalem*) гостию и повис в воздухе над постельным одеялом, коим дева была частично накрыта. И вот, послала она гонца к церковному кюре, чтобы пришёл к ней и увидел Христа, явленного ей в гостии, которую даже другие видели собственными глазами. Затем она попросила его уделить сию гостию в причастие и не сомневаться в её словах и делах Божиих. Услышав сие, [священник], хоть и с колебаниями, дал деве явленную в видении гостию, которую она просила и благоговейно приняла. После сего чудесного явления гостии и благоговейного её приятия сердце девы возгорелось таковой любовью к Богу и жаждой святого причастия, что много лет каждые пятнадцать дней она вкушала досточтимые евхаристические Тайны из рук священника, которому приходилось для этого прибегать к изрядной осмотрительности и ловкости, ибо иначе она из-за слабости не смогла бы принять оные [Тайны]. Затем же он подавал ей немножко воды запить, но несмотря на скудость оной она претерпевала такое затруднение в горле, что едва в силах была её проглотить. Порой, однако, он совсем не предлагал ей запить: слишком уж трудно ей было употреблять [жидкость]. И таким образом она причащалась до года Господня 1421-го. А с той поры и до смерти своей она обыкновенно претерпевала четырёхдневную, а порой ежедневную лихорадку ради подъятия душ из чистилища.

В то время Лидвина пылала такой любовью к Богу, что в те дни, когда у неё обыкновенно не случалось приступов четырёхдневной лихорадки, она причащалась из рук духовников своих по два дня кряду. И служили сии святые и досточтимые Тайны Тела Христова недужной деве не только духовным укреплением для души её, но и для тела страждущего неким облегчением и поддержкой. Однако чаще вкушала она от сего всесвятого пиршества Тела Господня преимущественно во время отъятия благодати и лишения утешений Божиих – в качестве несравненного вспомоществования. Ибо внутренний дар божественного утешения, каковое она часто переживала в изобилии духовном и радости сердечной, служил укреплением её телу и душе, а скудость, напротив, настолько обессиливала её тело, что без духовного подкрепления она почти не в силах была держаться и жить в теле. Потому-то, как было сказано, пылко жаждала она Тела Христова и принимала как [необходимое для] жизни питание, дабы не выдохнуться при земном странствии, утомившись под бременем мучений. Принимая св. Тайны, она зачастую бывала озарена таким светом, что, как она видела телесными очами телесное, так и, сверхнебесным сим светом преисполнившись, всё внутреннее своё воспринимала очами умственными. То же самое зачастую случалось с нею и в другое время – в присутствии божественного света и при восхищении к созерцательной жизни. Посему и позднее, во время сухости своей и отъятия утешений, когда по устройению Божию сего озарения она не чувствовала, тогда по обыкновению говорила: «О где ныне те дни, когда внутреннее своё я видела внутренним оком, как оком телесным видела телесное!» И так исполнилось на ней сказанное Премудрым: «Во дни счастья не забывай несчастий, во дни несчастий не забывай о счастье» (*Вульг. Сир. 11:27*).

ГЛАВА XXIII. О ЛИХОРАДКЕ ОТРОКА БАЛЬДЕВИНА И О. ИОАННА, ДУХОВНИКА ЕЁ

И состоял при безутешной деве ради некоторой утехи в предсмертную пору болезни её племянник, Бальдевин именем, двенадцатилетний отрок, который ей почти непрестанно прислуживал. Дабы он крепче помнил чудеса, что свершились с Лидвиной, которые он часто воочию наблюдал, она в качестве спасительного вразумления и некоего чуда милости вымолила для него у Господа лихорадку. Этот паренёк пользовался неким кувшином, из которого имел обыкновение пить. И вот, в праздник Рождества Пресвятой Девы Марии того года, что предшествовал кончине Лидвины, когда уже свечерело, предписала дева тому отроку взять кувшин свой и, наполнив пресным (*tenui*) питьём, разместить подле её кровати. Когда обутрело, она, позвав отрока, приказала ему взять кувшин и пить. И когда он принял кувшин, обнаружил, что тот по милости Божией наполнен неким невиданным напитком: будто в нём возникло варенье из смеси корицы с прочими пряностями, приятно пахнущее и сладкое на вкус. Но как сия дева при множестве ежедневно мучивших её страданий укреплялась также божественными утешениями, так и наоборот – вышеназванный отрок, взяв и испив вволю вышеупомянутого напитка, в тот самый день начал болеть и продолжал страдать различными видами лихорадки до зимней поры того года, когда празднуется рождество святого епископа Мартина (*11 нояб.*). Притом этот самый чудесный напиток пили также разные люди, однако никакого недуга, как с вышеупомянутым отроком, с ними не случилось. Подобным образом, когда разные другие жидкости в течение целой недели вливали в тот самый кувшин, тогда пившие их ощущали вкус сладчайшего напитка, однако никакой недуг не досадил им. Таким образом сей напиток послужил для отрока знаменем кары, а прочим, кто его отведал, оказался утехой невиданного чуда. Когда же отрок вылечился от лихорадки своей, рука Господня снова простёрлась (*ср. Ис. 10:4*) – на священника сей девы.

Ибо о. Иоанн, духовник её, слёг с четырёхдневной лихорадкой; и в тот самый день, когда обычно лихорадило деву, и его поражал жестокий приступ лихорадки. Видя сие, сестра о. Иоанна спросила деву, сколько продлится лихорадка брата. Лидвина же ответила ей, что к первому воскресенью предстоящей Четыредесятницы он выздоровеет: что и сбылось, как она предсказывала. А когда тот самый о. Иоанн захворал тяжкой болезнью к смерти, дева, сострадая ему, великой настойчивостью молитв своих милосердно выпросила для него у Господа отдаления смерти и продления жизни.

ГЛАВА XXIV. О ТОМ, КАК ОНА МУЧИЛАСЬ ОТ КАМЕННОЙ БОЛЕЗНИ И ПРЕДУЗНАЛА О ДНЕ КОНЧИНЫ СВОЕЙ

Дабы в деве Христовой Лидвине, испытанной многими скорбями, не осталось и пятнышка греха, она была в итоге жесточайшей мукой уязвлена и очищена. Итак, в последний год её жизни от праздника Сретенья и до последовавшего затем праздника Пасхи вдобавок к прочим недугам, кои прежде у неё чрезвычайно давно были, такое отяготило её мучение от каменной болезни, что два или три раза она, став на час словно бы бездыханною, не могла говорить. После того, как она, крепко стиснув зубы и ни словом не выказав нетерпение, едва перенесла эту боль и она прекратилась, тогда она смогла произнести едва несколько слов вслух. А сказала она, что оный камень погубит её – ведь размером он был с доброе голубиное яйцо. Притом в то время внутренние утешения свыше посещали её так редко, что она со слезами жаловалась о. Иоанну, духовнику своему, что противу обыкновения Господь как бы покинул её. Однако в таковом одиночестве она более возрастала в заслугах благодаря терпению, ибо сильнее уподоблялась страдавшему на кресте Христу, Который громким голосом возопил к Отцу, сказав: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (*Мф. 27:46*) Сия же святая дева, как истинная почитательница и носительница креста, продолжала беспрерывно претерпевать недуги свои до самой смерти, притом предугадала о ней задолго из откровения Господня. Итак, однажды, а именно накануне праздника Кафедры святого Петра (22 *февр.*) в год её кончины, по приглашению Лидвины пришёл к ней некий благочестивый приор. На другой день с самого утра о. Иоанн, духовник девы, предложил тому приору зайти к ней в каморку, если желает стать свидетелем какого-нибудь духовного дара, уделяемого ей. Когда же он вошёл в её каморку, то ощутил такое сладостное ароматическое благоухание (которое дева, будучи тогда посещена Господом и отведена в небесные области, принесла обратно с собою), будто в той каморке были спрятаны различные благовонные пряности. И вот, после взаимного и божественного собеседования о том, ради чего она позвала приора, Лидвина предложила ему снова прийти к ней в пасхальные праздники, чтобы, насколько Господь даст, обсудить то же самое получше. Если же не застанет её, тогда пускай из братской любви помолится о ней. Из каковых слов явственно видно, что говорила она тут о своей смерти, хотя открыто смерть не упоминала.

ГЛАВА XXV. О БЛАГОДАТИ В ПАСХАЛЬНУЮ НОЧЬ И ПРОРОЧЕСТВЕ О СМЕРТИ ЕЁ

С наступлением же пасхальных торжеств, в самую ночь святого Господня воскресения около четвёртого часа на рассвете вышеназванный о. Иоанн, духовник девы, пришёл повидать её и, как по благоуханию от её рук, так и по словам её ясно понял, что её обычным образом посещал святой ангел. Ведь от неё исходил такой сладостный запах, что можно было подумать, будто что её умастили различными ароматическими мазями (*согласно второму «Житию» Бругмана Лидвина в ту ночь*

удостоилась Последнего помазания (соборования) от рук Христа, почему и не нуждалась затем в этом таинстве. – по прим. англ. пер.). Затем, когда он, поздравляя её, воздал благодарение Господу, она, придя в себя после пережитого посещения, призналась, что получила утешение свыше, однако заверила, что ей предстоят тягчайшие муки, которые она претерпит в течение этих праздничных дней. Сказала ещё, что слышала в эту самую ночь, как на небесах пели «Аллилуйя», а также высказала надежду, что вскоре с большей радостью и утешением споёт сей напев «Аллилуйя» вместе с небесными духами, а ещё – что получит облегчение от этих тягот, если переживёт пасхальные праздники. Видимо, тут она говорила о смертельном исходе, хотя и не сообщала, что скоро умрёт. Однако каждый день, сиречь в сам святой день Пасхи и два последующих, она говорила посетителям, что муки, которые она тогда претерпевала, не продлятся долго – что в дальнейшем и подтвердилось на деле.

ГЛАВА XXVI. О БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЕ ЕЁ И О ПРЕДСМЕРТНЫХ МУКАХ

Итак, когда наступил вторник в октаве Пасхи, кроткая и терпеливая дева, желая глубже сосредоточиться, смиренно просила о. Иоанна, духовника своего, пришедшего к ней утром, чтобы ни он сам, ни кто-либо ещё из любящих её не приходил в тот день её повидать, за исключением отрока Бальдевина, который усердно служил ей до самой смерти. Что и было сделано, дабы согласно пожеланию сердца её, умерла она в уединении и оставленная людьми. Ибо ведь, как вышеупомянутый духовник её сообщал некоему иноку, за четыре или пять лет до кончины своей он услышал, как Лидвина молила Господа позволить ей умереть не иначе, как лишь в Его присутствии и с её ведома. И о том ещё просила, чтобы он умножил муки и немощи её, дни её сократил, час смерти ускорил, а смерть даровал быструю – что и осуществилось, как будет видно из дальнейшего.

Итак, когда все домочадцы её удалились, а о. Иоанн отсутствовал, читая в то время заупокойную всенощную по некоей покойной настоятельнице монахинь, дева, приближаясь к концу в присутствии одного лишь вышеупомянутого отрока, который подставлял ей таз и выносил рвоту, настолько мучилась, когда её тошнило, что, жалуясь, так говорила служившему ей отроку: «Дорогой сынок, о если бы знал господин мой Иоанн, как мне ныне тяжело!» И не удивительно, что при этих муках она признавалась, как ей тяжело, когда у неё прибавлялась, наступая, скорбь поверх скорби (ср. *Вульг. Иер. 8:18*). Ибо же с седьмого часа утра того самого дня до, примерно, четвертого часа пополудни, прежде чем она умерла, её около двадцати раз тошнило ярко-зелёным веществом, которое, как она думала из-за его горечи, происходило от разлития желчи. Когда же вышеупомянутый отрок, видя сие и слыша, спросил её, не желает ли она позвать о. Иоанна, её наконец стало тошнить в последний раз, причём ей пришлось так туго, что собравшееся в пищеводе вещество она была не в силах извергнуть и стала из-за этого захлёбываться. Видя сие, невинный отрок, заподозрив, что она вот-вот умрёт, с плачем побежал вон и возвестил сие о. Иоанну и прочим домашним, собравшимся там. А когда они, так же плача, прибежали, то обнаружили её уже в предсмертных муках. Тогда о. Иоанн, взяв её за руку, попросил дать знак, жива ли она и желает ли Помазания? Поскольку она молчала, священник, зажегши свечу и поставив на подсвечник, разместил её за головою Лидвины, ибо думал, что она ещё жива, а потому не сможет вытерпеть света. [Однако] обнаружил, что она почилла и ускользнула от несчастий земной жизни. Впрочем, от того мига, когда она последний раз говорила, и до того, как испустила дух, едва прошло время, в какое можно было уместить три псалма «Miserere» (50-й псалом. – прим. пер.), так что конец её оказался быстрым, как и

просила она задолго до того у Господа.

Скончалась же долготерпеливая дева, преугодная Богу и ангелам, в восемнадцатый день до майских календ (14 апр.), в день святых мучеников Тибурция и Валериана, в год от Господня воплощения 1433-й, во вторник в октаве Пасхи около четырёх часов после вечерни, на пятьдесят третьем году своей жизни, сколько ей исполнилось, если считать по праздничным кругам, незадолго до смерти – в Вербное воскресенье. И крайне сообразно устроил Бог по времени так, что она преставилась из сего мира в пасхальную неделю, дабы та, что долгое время была причастницею Христовых страстей в сострадательном размышлении, также с Ним перешла к счастью вечной жизни в пору святых пасхальных празднеств всерадостного Его воскресения. Скончалась же избранная дева Христова, израненная ударами различных злостраданий, по исполнении тридцати восьми лет от начала болезней своих при начале тридцать девятого года, будучи достойна причестья хорам ангелов, ибо ангельской жизни старалась она подражать в целомудрии с детских лет.

ГЛАВА XXVII. О ДИВНОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ЕЁ РУК И ОБЛАЧЕНИИ ТЕЛА

После же смерти её нечто дивное обнаружилось с её телом, о чём имеются точные свидетельства. Ибо правая её рука в течение многих лет была так мертва, что сама по себе не могла двигаться (хотя позднее благодаря серьёзному лечению, произведённому неким хирургом, она сделалась немножко подвижнее), однако после смерти, когда святое тело её было раздето, паче всякого чаяния и понимания – и никто не знал, каким образом это сделалось – оказалось, что эта рука вместе с левой, как бы сложив ладони и сплестя пальцы, пристойно покоится на груди. Ибо же говаривала она при жизни кому-то, что надеется перед смертью своей прославить Бога, простерев обе руки, – что и сбылось, и многим после смерти её было ясно явлено. Также в течение многих лет (почти тридцать истекло ко времени её смерти) она носила множество власяных опоясаний для смирения плоти и, будучи перетянута последним из них в течение трёх лет, завершила в нём день конца своего. Когда же почилла она и была раздета для погребения, перед тем, как переодеть её, обнаружили вышеупомянутое опоясание около плеч, отвязанное от её тела неведомым для людей способом, но целое по кругу и с неразвязанными узлами, коими оно соединялось.

И просила она задолго до кончины своей у вышеназванного о. Иоанна, духовника своего, не допустить, чтобы после смерти её на долгое время оставили на земле, но позаботиться о том, чтобы её сразу облачили, и распорядиться, дабы её похоронили указанным ею образом. Хотя он охотно совершил бы сие, ему силую воспрепятствовали руководители города, коим он не мог противостоять. Ибо они предписали ему под страхом наказаний имущественных и телесных не сдвигать её с места. Итак, тело её, облачённое обычным образом, оставалось покоиться аж до утра среды на деревянном ларе, а затем его переложили на то самое место, где она пролежала почти двадцать лет при жизни. И облачили оное досточтимое тело по образу инокинь в шерстяную рясу, обвязав поверх волосяным поясом, который она при жизни имела обыкновение носить на плоти. Затем ей на голову надели закруглённую скуфейку – что-то вроде круглой митры, пошитой из велени, на которой по контуру были написаны чёрными чернилами всеславные имена Иисуса и Марии, рядом с которыми было нарисовано множество сердец, как бы пронзённых стрелами или острыми дротиками. А всё сие, что было нужно для её похорон, она подготовила за много лет до того и, помышляя о конце, держала при себе согласно оному речению пророка: «Приготовься к сретению Бога твоего, Израиль (Ам. 4:12), ибо

придет Господь и не умедлит (*ср. Евр. 10:37*) воздать каждому согласно делам его (*ср. Отк. 22:12*)». Под голову же ей положили, как она пожелала, некий мешочек со слезами её кровавыми, сладко пахнущими, которые она называла розами, кои излила она из очей своих от любви великой и сердечного сокрушения. Сии-то слёзы, что истекали из её очей и по прошествии времени затвердевали у неё на щеках, о. Иоанн, духовник её, когда они, залитые обычными слезами её, чуть-чуть размягчались, осторожно соскребал и, прилежно складывая в мешочек, хранил у себя в опрятном ларчике.

ГЛАВА XXVIII. О ДИВНОЙ КРАСЕ И ОБРАЗЕ ЛИЦА ЕЁ

И предсказывала сия дева исключительного смирения, что умрёт, как прочие люди, в величайших муках, и что никаких чудес при смерти её не случится – что и сбылось, как уже было показано. Однако же, дабы не показалось, что Бог совсем позабыл о скорбях и трудах бедной и смиренной служительницы Своей, и дабы вознести из уст людских (*ср. Вульг. Иудифь 13:25*) славу терпения её, явил также взорам людским верные признаки того, сколь великими заслугами воссиял в небесах благородный брильянт, долго томившийся в темнице плоти. Ибо девическое лицо её, что отвращалось от лицезрения мужей, дабы яснее видеть небесного Жениха, ничуть не являло смертельной бледности, не выражало ужаса, но как бы намащенное елеем или какой-нибудь благовонной мазью, сияло таким блеском и изящной белизною, что казалось не лицом обычного смертного человека или трупа покойного, но являло как бы подобие лика человека прославленного [в небесах]. Ибо же те, кто там присутствовал, говорили, что никогда не видали столь прекрасного облика. Посему многие, сколько бы раз ни подходили посмотреть на неё, всё же не могли насытиться её видением. Подобно и всё тело сияло той же белизною и подобным блистанием, и все члены её были исполнены такой красотой здоровья и благообразной дебелистью, словно никогда она не страдала никаким недугом. Даже трещина на лбу, которая некогда у неё образовалась при жизни, полностью исчезла; также ступни и ноги, ладони и руки, шея казались столь плотны, а всё тело – так невинно, будто никогда прежде не причинено было им никакого вреда за исключением, однако, того, что на месте раны на правой руке её и на месте одной раны, нанесённой ей пикардийцами, были видны маленькие нитевидные рубцы, обозначавшие след удара. А у вышеупомянутого о. Иоанна было три родные сестры, которые с некими иными порядочными дамами сторожили сие досточтимое тело. Они от видения его и присутствия исполнились такой благодати, что их всё время – сиречь от преставления её и до погребения – не беспокоил ни голод, ни жажда, ни сонливость.

ГЛАВА XXIX. О СТЕЧЕНИИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ К ПОКОЙНОМУ ЕЁ Телу

Когда же стало ведомо о её смерти и молва о признаках святости (*gloriae*) её тела разлетелась повсюду, аж до середины ночи происходило величайшее стечение народу, желавшего увидеть её, во все дни, пока она оставалась непогребённой; так что из разных городов и деревень – Роттердама, Делфта, Лейдена и Брилле, а также из других окружающих местечек и селений, столь многие поспешали, чтобы узреть священные останки, что их точное число, превосходившее многие тысячи, ни оценить было невозможно, ни выяснить было нелегко. Ибо дети трёх-четырёх лет, «словно бы препоясавшиеся для путешествия» (*т.е. готовые послужить проводниками, наподобие ангела Рафаила, ср. Вульг. Тов. 5:5*), так рьяно бежали, что побуждали даже в людях пожилого возраста желание повидать столь славные мощи. Вот уж могла бы сказать тогда дева, коли была бы жива: «Пустите детей

приходить ко мне, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк. 10:14). И вот, дети, входя в дом, где находились святые останки, из-за малого роста не могли подтянуться, чтобы заглянуть туда, где лежало тело, отчего многие из них кричали и горестно говорили: «Неужто я не увижу сию деву, ради чего я пришёл из такой дали?!» Тогда стоявшие там поднимали их, чтобы они увидели лицо девы, а дав наглядеться, отправляли их домой, угостив белым хлебом. А что ещё более достоивно, была там некая дама с малышом своим в возрасте одного года и трёх месяцев, который хоть и младенец, сложив ладони и обратив лицо к останкам, так благоговейно и серьёзно устремил глаза свои на оные, что сторожившие и посетители святых останков, видя благоговение младенца и изумляясь ему, были взволнованы до слёз.

ГЛАВА XXX. О ПЯТНАХ, КОТОРЫЕ ВОЗНИКЛИ НА НЕЙ ОТ ПРИКОСНОВЕНИЯ НЕЧИСТЫХ ЛЮДЕЙ

Благодаря всемужественному терпению в страданиях своих и частому общению с ангелами, а также посещениям небес сия дева достигла такой чистоты, что, когда она была ещё жива, от прикосновения рук нечистых и недостойных людей у неё подчас возникали видимые пятна, чёрные следы от которых оставались у неё на руках два или три дня, причём прежде их видно не было. Также и после её кончины случалось кое-что подобное. Ибо когда лицо её после смерти сияло, как было сказано, столь дивным блеском, вместе с прочими подошла, ради того, чтобы посмотреть на неё, некая дама и провела кругом лица её своим платком, что держала в руках – из благочестия, как ей думалось, – а лицо девы от этого прикосновения постепенно заметно потемнело. Поэтому, когда её тело поместили в церкви и некто попросил открыть гроб и показать оное, чтобы присутствующие могли узреть его, остальные, кто знал о сего рода потемнении, напрочь отказались делать сие, опасаясь, что от взоров недостойных оно ещё сильнее потемнеет на соблазн другим.

ГЛАВА XXXI. О БЛАГОЧИННОМ ЕЁ ПОГРЕБЕНИИ

Наконец, когда наступила пятница в октаве Пасхе, которая была четвёртым днём после блаженного преставления её из юдоли плача и узилища земного пребывания, после того, как преблагоговейнейшим образом была отслужена месса, тело было предано погребению в двенадцать часов, когда солнце сияло в зените, а день устремился к концу: по примеру Христа, Который в пятницу пострадал, в девятом часу умер, перед закатом солнца был погребён. При похоронных обрядах присутствовал благочестивый отец Йудок, приор регулярных [клириков?] из Брилле, который весьма часто при жизни Лидвины по-дружески беседовал с нею и внимательно вник во множество тайн её святости. Он увещевал народ, дабы позволили похоронить служительницу Божию христианским образом, и, к счастью, убедил. Народ в благоговении согласился с сими словами, и вскоре, крепко заколотив её гроб, предали священные останки девы погребению по примеру Христа, погребённого в сердце земли, чтобы восставил Он её в последний день и прославил со всеми святыми в вечном блаженстве. Итак, погребли прелюбезную Христову невесту Лидию, сиявшую девством, обиловавшую смирением, блиставшую терпением, пламеневшую любовью, милосердную, благостную, первейшую в благочестии, превознесенную в созерцании, всеми добродетелями и дарами и Святого Духа в избытке украшенная. Ни в шелка она не была облачена, ни в гробнице мраморной заключена, но в могиле каменной, сооружённой, как подобает, трудами каменщика; не в стольном граде, но в родимом местечке, именуемом Схидамом; не в усыпальнице клириков и не в священническом склепе, но на

обычном приходском кладбище при церкви святого Иоанна Крестителя, с южной стороны храма, где все жители могли повидать и посетить могилу девы. Однако не глубоко в земле [положили её гроб] и не покрыли землёй поверх, но и не слишком высоко над землёй воздвигли его, но на деревянных балках, проложенных в каменной яме. И сие очень даже сообразно: ибо, как она при жизни тридцать лет не касалась земли, так и её, почившую, не коснулась земля, и курган земляной не сокрыл ковчег её тела. Поверх него помещён был огромный камень красного цвета с изящно высеченными на лицевой стороне разными красными крестами – он возвышался над могильным холмом почти на два локтя.

ГЛАВА XXXII. О ПОСМЕРТНЫХ ЧУДЕСАХ ЕЁ

После похорон досточтимой девы, когда многие верные стали посещать её могилу и почитать оную добровольными подношениями, свидетельствовавшими об исцелениях от различных болезней и немощей, руководители города и церковные иерархи, придя к благоразумнейшему решению, служащему к распространению славы Божией, в следующем году распорядились построить близ её могилы каменную часовню с алтарём, [каковая была] к чести да славе Божией и на особую память об одной деве [освящена] в праздник десяти тысяч мучеников (22 июня) года Господня 1434-го.

ГЛАВА XXXIII. РАССКАЗ О ТРЁХ ЧУДЕСАХ

И для подтверждения святости сей девы весьма сообразным кажется прибавить в конце книги [рассказ] о трёх самых знаменитых из множества знамений (что надёжнейше подтверждены достоверными свидетельствами её святости и изустно поведаны многими), что недавно с содействием Божиим свершились в Голландии к славе Божией и чести одной святой девы.

ЧУДО ПЕРВОЕ

Была в городе Делфте некая девица, что была на протяжении целых восьми лет прикована к постели тяжёлой болезнью. Четверо магистров, сведущих в медицине и широко известных, навещали её и, проникнувшись человеческой жалостью, а ещё более – побуждаемые любовью Божией, пытались оказать ей помощь. Однако болезнь одной девицы была совершенно непонятна вышеупомянутым магистрам, и никто из них не смог дать никакого средства, что помогло бы болящей. Один из этих магистров, Вильгельм Сондерданк (*сын Годфрида Гаагского, врача, первым признавшего сверхъестественную природу Лидвининых заболеваний, который лечил бедных бесплатно и в ответ на их Grootedank – «Большое спасибо» неизменно отвечал Sonderdank – «Не за что», откуда появилось его прозвище, ставшее затем фамилией его сына. – прим. англ. пер.*), опытный доктор, сильно удивляясь, сказал вышеназванной девице: «Ты пока ещё хоть не так долго страдаешь и не столько скорбей претерпела, как блаженная оная дева Лидвина, по заступничеству коей Господь совершил уже много чудес в наших краях». Девица же болящая, услышав сие, по собственному благочестию или, скорее, воспламенённая вдохновением Божиим, прочитала столько молитв Господних, в просторечии называемых «Отче наш», сколько есть членов в человеческом теле – во славу Божию и одной святой девы Людвины. Случилось же после этого так, что блаженная дева Лидвина явственно посетила болящую девицу, дав ей нечто из средств медицинского искусства; и та воистину исцелилась и, поднявшись в здравии, стала ходить, есть и исполнять дела, как здоровые девушки. Вышеназванного магистра сие

весьма изумило. Именно он засвидетельствовал, что всё было в точности так.

ЧУДО ВТОРОЕ

Второе чудо случилось в Гауде, славнейшем городе голландском. Жила там в женском монастыре некая инокиня, у которой на одном бедре были стянуты мышцы, из-за чего бедро было так искривлено и стянуто, что она ни ходить не могла, ни двинуть ею куда-нибудь на расстояние больше двух ладоней. Она охотно посетила бы того магистра – прежде упомянутого Вильгельма Сондерданка (который некогда средствами своего искусства и с содействием милости Божией за восемь недель вылечил одну из насельниц той же обители, переправленную в Делфт), но ей не удалось добиться разрешения от своего начальства. И вот, опечаленная, горько плакала она много дней, что останется хромой до конца своих дней, каковое существование она считала для себя злом. В итоге пришла ночью блаженная она же дева Лидвина и, заговорив с нею, сказала, чтобы та попросила сестёр, чтобы каждая из монахинь этой обители прочитала по пяти «Отче наш» и «Радуйся, Мария» во славу Божию и оной девы Лидвины, а затем в воскресенье чтобы отнесли её в посвящённую ей (ргоргіат) церковь и таким образом её искалеченное бедро исцелее. Что и было незамедлительно сделано. Ибо, когда было получено разрешение от духовника, её отнесли в церковь, как Лидвина сказала ей в откровении, и во время мессы она вдруг обрела совершенное исцеление бедра своего; самостоятельно вышла наружу, чрезвычайно радуясь и премного благодаря Бога, Который по заступничеству сей блаженнейшей девы Лидвины содейал сие чудо.

ЧУДО ТРЕТЬЕ

А третье чудо случилось в Лейдене, славном граде краёв голландских. В сем многоядном городе жила одна благочестивая девица, у которой на шее было раковое уплотнение величиною с большое яблоко, так что она не могла ни пить, ни есть, ни наклоняться, если не желала задохнуться из-за чрезвычайного сужения дыхательного пути. Он босиком и без белья (*т.е. в грубой верхней одежде на голое тело в качестве покаянного подвига. – прим. англ. пер.*) пришла к могиле вышеназванной святой девы, чтобы вымолить у неё целительной помощи, не добившись коей возвратилась с великой печалью, не зная о тех благах, что ей предстояли. Следующей ночью после её возвращения от могилы, пробудившись от сна, она оказалась полностью исцелена от того ракового уплотнения, коим страдала почти восемь лет, что было многим ведомо. Сию чудом исцелившуюся девицу прежде упомянутый магистр Вильгельм Сондерданк, доктор медицинских наук, видел своими глазами и шею её своими руками ощупывал. Он же и предоставил наивернейшее свидетельство о вышесказанном, собственноручно написав следующее: «Свидетель Бог, сии три свершились за краткое время; ну а обо множестве прочих, что я видел своими глазами, долго было бы рассказывать». Сии вышеописанные чудеса случились благодаря тому, что Бог возобновил знамения во дни наши, в год Господень тысяча четыреста сорок восьмой, при восседающем на апостольском престоле святейшем папе Николае V, во второй год его понтификата. БОГУ ВСЕМОГУЩЕМУ СЛАВА!

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ